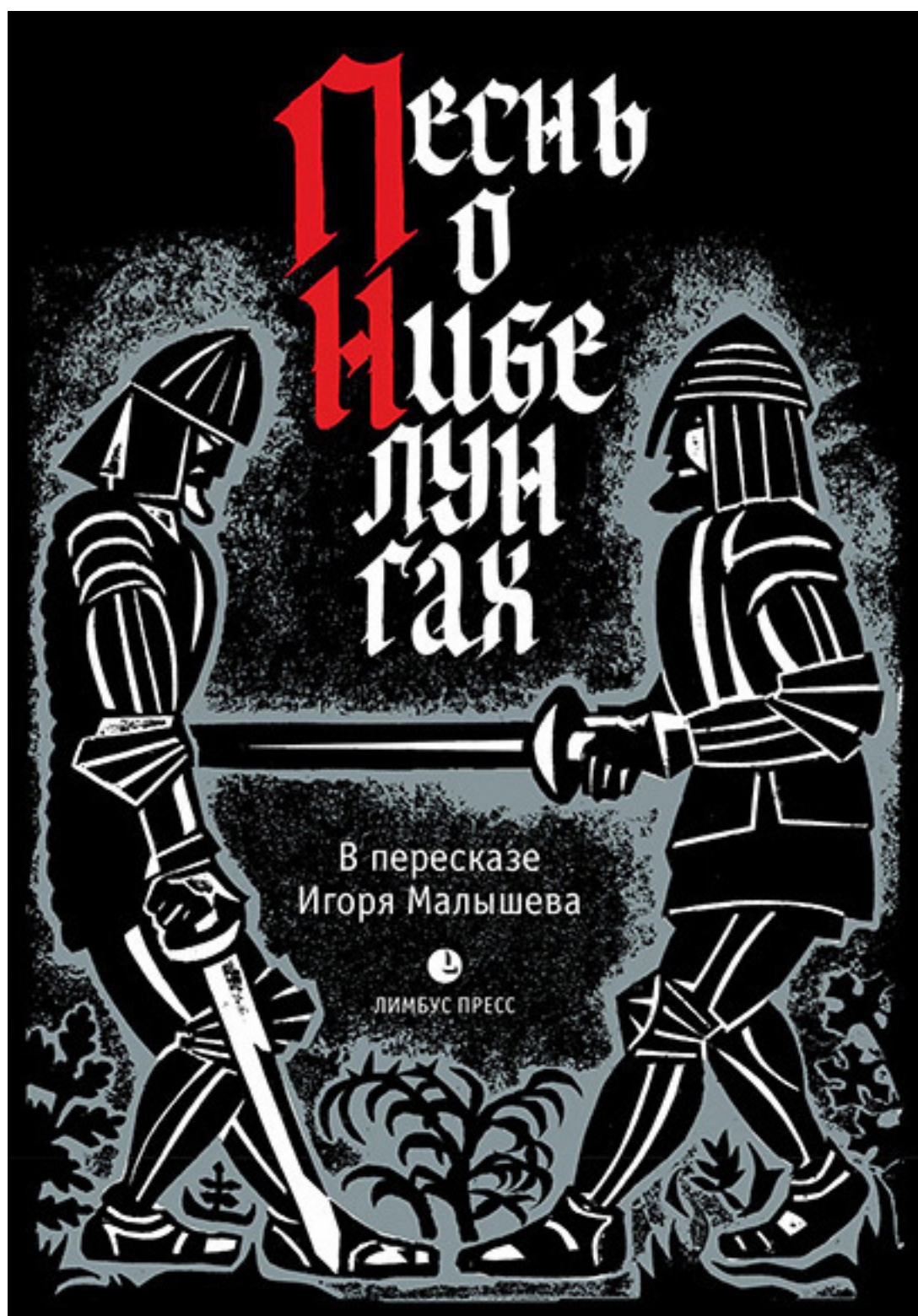

Песнь о Никити цах

В пересказе
Игоря Малышева

ЛИМБУС ПРЕСС

Эпосы, легенды и сказания

Песнь о Нибелунгах.

**Прозаическое переложение
средневекового германского эпоса**

«Издательство К.Тублина»

УДК 398.221
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Эпосы, легенды и сказания

Песнь о Нибелунгах. Прозаическое переложение средневекового германского эпоса / Эпосы, легенды и сказания — «Издательство К.Тублина»,

ISBN 978-5-8370-0788-0

Сложно представить себе образованного человека, который не знал бы текстов, являющихся фундаментальными для культуры всего человечества: «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Калевала», «Слово о полку Игореве»... В число этих книг, несомненно, входит и средневековый германский эпос «Песнь о Нибелунгах». Насыщенный сюжет, суровые и страстные характеры героев, великая красота и великая трагедия не оставят равнодушными ни одного читателя. Данная книга является полным прозаическим переложением эпоса, сделанным без купюр и в максимальной степени соответствия сюжету и образному ряду оригинала. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 398.221
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0788-0

© Эпосы, легенды и сказания
© Издательство К.Тублина

Содержание

Предисловие	6
Авентюра I	8
Авентюра II	10
Авентюра III	13
Авентюра IV	18
Авентюра V	25
Авентюра VI	29
Авентюра VII	33
Авентюра VIII	38
Авентюра IX	41
Авентюра X	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Песнь о Нибелунгах

Прозаическое переложение

средневекового германского эпоса

(*В пересказе Игоря Малышева*)

© ООО «Издательство К. Тублина», 2021

© А. Веселов, иллюстрации, оформление, 2021

* * *

Предисловие

Читатель, перед тобой история, которой более восьмисот лет. Кто-то подумает: «Какая древность! Какая скука! Зачем это читать?» Ничего подобного – страсти человеческие вечны, ненависть человеческая неистребима, жажда мести и сейчас так же свойственна человеку, как и жажда любви.

Прочти эту историю, и ты увидишь, как изменились, если, конечно, изменились, люди за восемьсот лет.

Впрочем, оставим страсти и эмоции и поговорим о том, чем ценна эта книга для трезвого ума.

Сегодня сложно представить себе по-настоящему образованного человека, незнакомого с текстами, которые являются фундаментальными для мировой культуры: «Илиадой», «Одиссеей», «Сказанием о Гильгамеше», «Калевалой», «Ведами», «Словом о полку Игореве»... К числу этих памятников, несомненно, относится и средневековый германский эпос «Песнь о Нибелунгах». Перефразируя В. Г. Белинского, можно сказать, что это «энциклопедия немецкой средневековой жизни».

«Песнь...» даёт представление о политическом и этническом устройстве Германии на рубеже первого-второго тысячелетия нашей эры, когда, собственно, Германии как таковой ещё не было, а существовали разрозненные государства, сложившиеся на основе народов и этнических групп: баварцев, бургундов, нидерландцев, гуннов...

В книге можно найти массу бытовых сведений о жизни феодалов. О том, как они пировали, охотились, путешествовали, воевали, заключали брачные и политические союзы, принимали гостей и послов. Несомненный интерес представляет система взаимоотношений типа «сюзерен-вассал», «сюзерен-сюзерен», «вассал-вассал». Дело в том, что одной из главных пружинок сюжета «Песни...» являются именно эти отношения. Подчас они толкают героев на не вполне понятные современному человеку поступки, но тем интереснее погружаться в тот мир.

Например, когда король или королева шли в храм, никто не имел права войти туда раньше них. Если же кто-то смел переступить церковный порог раньше монархов, это считалось вопиющим нарушением субординации и оскорблением.

Одним из главных достоинств монархов и знати считалась расточительность. Лишь тот, кто был щедр к вассалам и гостям, в полной мере оправдывал своё высокое положение.

Король, напротив, практически никогда не принимал подарков. Преподнести что-либо в дар монарху мог лишь человек, равный ему. Предложение от любого другого лица считалось оскорблением. Подобное правило касалось, кстати, и королевских послов. Принятие послами подарков рассматривалось как свидетельство того, что их повелитель недостаточно богат, и мало способствовало росту королевского авторитета.

И так далее, и тому подобное...

Средневековые взаимоотношения – интересный и крайне непростой мир, и в «Песни о Нибелунгах» они представлены во всей многогранности.

Помимо выдающихся культурологических достоинств, эпопея является ещё и крупным драматическим произведением. По аналогии с греческими трагедиями, действующие лица эпоса вступают во взаимоотношения, которые неминуемо ведут их к смерти. Совершив небольшие ошибки в начале действия, герои запускают цепь событий, которые обрекают на гибель их самих и ставят под удар их королевства. Так падение песчинки в горах вызывает лавину, которая уничтожает целые города. Наблюдение за тем, как разматывается трагическая цепь, завораживает. Читатель следует за сюжетом, осознавая обречённость героев, и вместе с тем он не в силах оторваться от созерцания линии их судьбы. Воронка «Песни...» затягивает его, чтобы оставить потом с ощущением, что он столкнулся с великой красотой и великой трагедией.

Герои эпоса носят черты архетипов своего времени. Зигфрид – величайший из воинов, Брюнхильда – дева-воительница, Кримхильда – вдова, нашедшая смысл своей жизни в мести, Хаген – коварный злодей, Рюдегер – образец благородства и рыцарской чести.

Принято считать, что эпопея была написана около 1200 года. Место её возникновения следует искать на Дунае, где-то между Пассау и Веной. Такой вывод напрашивается исходя из того, что при описании современной ему Австрии и соседних с ней территорий автор не делает географических ошибок. Упоминая же более отдалённые территории, он довольно часто допускает неточности.

Авторство «Песни...» по сей день остаётся загадкой. Одни исследователи приписывают её перу некоего духовного лица, возможно, состоявшего при епископе Пассауском. Другие видят автора в безвестном шпильмане, бродячем певце. Третьи считают, что эпопея написана образованным, но не очень родовитым рыцарем.

Впрочем, автор «Песни...» не является автором в полном смысле этого слова. Скорее, тут может быть употреблён термин «творческое редактирование». Эпос является результатом переработки многочисленных германских героических песен и сказаний. Что-то при обработке наверняка было утеряно, что-то, возможно, досочинено.

Значение «Песни о Нибелунгах» для мировой культуры невозможно подвергнуть сомнению. Зигфрид, как образец воителя и рыцаря, прочно вошёл в пантеон героев. Кроважность его жены Кримхильды, жестоко отомстившей родным братьям за смерть мужа, также стала легендарной. Взаимоотношения девы-воительницы Брюнхильды, обладавшей невероятной физической мощью, и её мужа короля Гунтера стали притчей во языцех: несчастный монарх, надоевший деве приставаниями во время первой брачной ночи, до утра провисел, словно мешок, на вбитом в стену крюке.

Отголоски, а то и прямое копирование сюжета «Песни о Нибелунгах» можно отыскать в самых неожиданных местах. Например, в «Трёх мушкетёрах» есть эпизод, когда д'Артаньян проникает в спальню к миледи и, пользуясь темнотой, выдаёт себя за её любовника графа де Варда. Затем он проводит с ней ночь и уходит, забрав на память перстень. В «Песни...» аналогичная ситуация происходит с участием Зигфрида, Брюнхильды и её мужа короля Гунтера. С той лишь разницей, что Зигфрид не ограничивается перстнем, а прихватывает ещё и пояс, что привело к трагическим и кровавым последствиям.

«Песнь...» обладает очень насыщенным и драматичным сюжетом. Поэтому неудивительно, что многие деятели культуры в своём творчестве обращались к этому эпическому шедевр. В девятнадцатом веке Рихард Вагнер создал оперную тетralогию под общим названием «Кольцо нибелунга». В двадцатом веке «Песнь...» неоднократно экранизировалась. Первая экранизация была сделана классиком немого кинематографа Фрицем Лангом ещё в 1924 году. Затем выходили фильмы в 1966, 1967, 2004 годах.

Существует два полных стихотворных перевода «Песни о Нибелунгах» на русский язык. Один был создан в 1889 году М. И. Кудряшевым, второй в 1972 году Ю. Б. Корнеевым. Данная книга является полным прозаическим переложением эпоса, выполненным на основе текста Ю. Б. Корнеева. Текст переложён без купюр и максимально близко к оригиналу.

Авентюра I Кримхильда

Много чудесных историй сокрыто в ушедших временах. О рыцарских подвигах, шумных пирах, молодецких забавах, о жестоких раздорах, любви и страданиях. Послушайте и вы о тех далёких и славных временах.

Давным-давно в землях бургундов¹ жила юная девушка по имени Кримхильда. Красивей и родовитее её нельзя было отыскать во всём мире, и мало кто из женщин мог сравниться с ней в достоинствах. Всем она нравилась, и каждый мужчина, увидевший её хоть раз, мечтал и думал лишь о ней одной. Но, как вы узнаете в свой срок, многим её красота принесла гибель.

Росла Кримхильда под защитой трёх братьев-королей, трёх славных витязей – Гунтера, Гернота и отважного Гизельхера, что был младшим из них. Род их истари славился отвагой и

¹ Время действия «Песни о Нибелунгах» относится к эпохе переселения народов. В IV–V вв. н.э. германское племя бургундов населяло левый берег Рейна, где основало королевство с центром в Вормсе. Разгромленные гуннами в 437 г., бургунды были вынуждены переселиться на юг нынешней Франции.

щедростью, а о том, насколько братья сильны и отважны, впоследствии узнали гунны короля Этцеля², коих множество было сражено их мечами.

Мать братьев звалась Утой. Отец их, грозный для врагов Данкрат, умер, и во главе королевства, как и положено по закону и праву, встали его сыновья.

Жили короли вместе с дружиной на Рейне, в Вормсе. Вассалы, все сплошь бесстрашные воины, считали за честь служить им и блюли верность даже тогда, когда раздор, произошедший меж двух высокородных дам, обрёл их на гибель.

Хаген – владетель Тронье, его племянник Ортвин Мецкий – стольник, ревниво оберегавший честь бургундских владык, Фолькер – шпильман из Альца, скрипач и славный боец, Данкварт – младший брат Хагена, маркграфы Эккеварт и Гере. За кухней смотрел Румольт, Синдолт был чашником, Хунольт – постельничим, а Данкварт, о котором уже говорилось, – конюшим.

Много можно рассказать о том великолепном дворе и витязях, что находились при нём. Сколько великих подвигов было совершено, сколько доблестных дел!

Как-то раз приснился красавице Кримхильде сон, будто слетел к ней с небес вольный сокол, но вскоре прямо на её глазах был он до смерти заклёван двумя орлами. Дева проснулась в большом страхе и немедленно рассказала о своём сне матери. Королева Ута выслушала дочь.

– Сон твой вещий, – сказала она. – Тот сокол – славный витязь и твой будущий муж. Мы можем только молиться, чтобы Бог сохранил его для тебя и не отнял до времени.

Огорчилась Кримхильда.

– Нет, матушка. Уж лучше я проживу, вовсе не зная любви, чем буду всю жизнь горевать о потере любимого.

– Не зарекайся наперёд, – остановила её Ута. – Какая ещё есть на свете радость, если не любовь мужа? Наберись терпения, и в свой час Господь пошлёт тебе пригожего витязя.

– Нет! – ответила матери королевна. – Уж лучше я останусь в девицах. Не раз видела я, как любовь оборачивается горем, и не хочу себе подобного удела.

Так прекрасная Кримхильда жила год за годом, никому не отдавая своего сердца, пока однажды отважный витязь, похожий на сокола из сна, не повёл её под венец.

Ах, кто бы мог тогда представить, как отомстит Кримхильда за его убийство, и сколько смертей и бедствий принесёт эта свадьба её родне!

² Здесь имеется ввиду Атила (Атли), умерший в 453 г., вождь гуннского племенного союза, подчинившего себе обширную территорию от Кавказа на востоке до Рейна на западе, от Дании на севере до правого берега Дуная на юге. Резиденция Атилы, правившего гуннской державой в 434–453 гг., находилась на территории современной Венгрии. До 445 г. Атила правил вместе с братом Бледой, выведенным в «Песни...» под именем Бледеля, затем убитого им.

Авентюра II О Зигфриде

В то же самое время в Нидерландах жил королевич Зигфрид с сердцем, полным жажды славы. Его родители Зигмунд и Зиглинда правили в Ксантене, богатом городе на Нижнем Рейне, и не могли нарадоваться на сына. Ещё юношей объездил он множество стран и земель. Известия о его отваге и мощи пронеслись далеко за пределами королевства, а красота поразила сердца многих девиц. Отменное воспитание, данное ему родителями, вместе с талантами, которыми щедро наградила его природа, сделали его гордостью Нидерландов.

Когда Зигфрид вырос и настало ему время жить при своём дворе, каждый был рад видеть его, и множество дам и дев только того и хотели, чтобы он почаще бывал в их кругу. С тех пор он всюду стал появляться с многочисленной и пышной свитой. Отец и мать дарили ему богатые одежды, а дядьки-учителя наставляли мудрыми советами, чтобы он мог потом достойно править их землёю. Скоро Зигфрид достаточно окреп, чтобы носить доспехи, а поскольку с рождения был он могуч и отважен, дамы всё чаще бросали на него влюблённые взоры, да и сам королевич начал засматриваться на придворных красавиц.

Поняв, что настал срок наделить сына рыцарским титулом, Зигмунд созвал на пир своих вассалов, а также разослал гонцов в окрестные земли, обещая одарить всех пришедших конями

и пышной одеждой. Позвали множество юношей, кому происхождение даёт право носить рыцарский сан, с тем, чтобы король в назначенный день перепоясал мечом не только Зигфрида, но и его сверстников³. До сей поры помнят люди тот пир, так щедр был король, так радушна королева. Никто из гостей, а их было немало, не остался обделённым.

Четыреста бойцов – ровесников Зигфрида – получили от короля великолепное платье. Множество девиц до самого празднества днями и ночами трудились над ней: вставляли драгоценные камни в золотую оправу и нашивали их на дорогой бархат. Ведь смельчаки и выглядеть должны достойно!

Праздник, на котором Зигфрид стал рыцарем, назначили на день солнцеворота. Рыцари вместе со своими оруженосцами во множестве собрались в соборе. Как повелось с давних пор, старшие в этот день служили молодым, и все они равно предвкушали весёлые забавы и игрища.

Пока в соборе шла обедня во славу Господа, на площади собралась многочисленная толпа, всем хотелось увидеть, как юношей будут посвящать в рыцари. Каждому витязю был подарен конь, а затем перед дворцом развернулся шумный турнир. От топота рыцарских скакунов сотрясались стены, витязи бились, не жалея себя, ведь битва – главная радость воина. Молодые и старые витязи сшибались друг с другом, с треском ломались древки копий и, жужжа, разлетались в разные стороны.

В свой час, завидев поднятую руку Зигмунда, воины прекратили турнир и оставили ристалище. Ах, сколько иссечённых щитов лежало на месте схватки! Сколько драгоценных камней, упавших с перевязей, горело в траве, будто угли!

Король вместе с гостями отправились пировать. Столы ломились от дорогих вин и кушаний, и рыцари, утомлённые воинской потехой, тут же приободрились. До самой глубокой ночи пировали витязи. Бродячие певцы услаждали их слух, а хозяева, как и надлежит могущественным владыкам, не жалели дорогих даров.

Король дал Зигфриду право жаловать сверстникам в лен города и земли. И герой, подобно тому, как сам Зигмунд когда-то, столь щедро оделил их, что каждый остался благодарен ему.

Торжество продолжалось целую неделю. Зиглинда, чтобы расположить гостей к сыну, одаривала всех золотом, ибо знала, любовь подданных покупается отнюдь не скупостью. Самый последний шпильман ушёл богачом с того праздника – королевская семья и их гости были столь щедры, словно жить им оставалось лишь до рассвета.

Когда же пир окончился и гости стали прощаться, самые родовитые вассалы подошли к Зигфриду и сказали, что они были бы рады хоть сейчас увидеть его на троне, но герой даже и слышать о том не захотел.

– Покуда живы отец мой и мать, – ответил он им, – я не стану и помышлять о короне. Однако если некий враг вздумает вдруг угрожать моей стране, я с готовностью встану во главе войска вместо родителя.

³ Обряд перепоясания мечом – ранняя немецкая форма посвящения в рыцари. Посвящение в рыцари путём удара мечом по плечу посвящаемого – французский обычай, привившийся в Германии лишь в эпоху позднего средневековья.

Авентюра III

О том, как Зигфрид отправился в Вормс

Так, наслаждаясь жизнью, проводил свои дни Зигфрид, пока не прознал однажды о прекраснейшей деве, что живёт в Бургундии. Та девушка принесла потом герою много счастья, но, увы, и много горя. По самым далеким пределам разошлись слухи о красоте, добром нраве и уме Кримхильды. Множество рыцарей сваталось к бургундской красавице. Однако никто не мог покорить её сердце, ни в ком не увидела она мужа. Впрочем, она ещё не встретила того, кого предназначила ей судьба.

Зигфрид же тем временем крепко задумался, кого ему взять в жёны? Сказать по правде, вряд ли кто смог бы ответить ему отказом. Любая, даже самая знатная из девиц, не смогла бы отказать ему при сватовстве.

Мечта о том, чтобы найти свою любовь, не покидала воителя ни днём ни ночью. Да и родственники вместе с друзьями тоже всё упорней советовали избрать наконец себе невесту. И тогда ответил им Зигфрид:

– Я хочу взять в жёны Кримхильду. Никто не сравнится с ней в красоте, и даже величайший из королей счёл бы её достойной супругой.

Все пришли в сильное волнение, услышав ответ Зигфрида, а Зигмунд опечалился больше всех. Чувствовал он, что грозит несчастьями любовь сына к бургундской красавице. Когда король сообщил это известие Зиглинде, то и ей стало не по себе. Слышала она немало пугающего о Гунтере и его дружине, и теперь уже вместе с Зигмундом принялись они отговаривать единственного отпрыска от опасного сватовства. Однако пылкий Зигфрид не отказался от своего желания:

– Мои любимые отец и мать, пусть уж лучше я никогда не женюсь, если не могу пойти под венец с той, кого люблю. Поэтому, как ни уговаривайте, я не отступлюсь.

– Что ж, если ты столь упорно стоишь на своём, – ответил король, – я не стану препятствовать тебе и помогу, чем смогу. Но, прошу, помни, люди Гунтера горды и чванливы, а отважный Хаген стоит их всех вместе взятых. Очень ревностно заботится он о чести своего короля. И потому, когда будешь свататься к высокородной красавице, будь осторожен, чтобы не вышло у вас с ним ссоры.

– Не стоит беспокоиться, отец, – беззаботно отвечал Зигфрид. – Если короли не отдадут невесту по доброй воле, отберу силой. А их земли и замки возьму вместо приданого.

– Опасные речи, – нахмурился Зигмунд. – Если дойдут они до бургундских владык, тебе следует навсегда забыть дорогу к ним. К тому же хочу напомнить, – добавил король, – что не следует брать невесту силой. Однако если ты решишь взять с собой охрану, я знаю немало надёжных людей.

– Я еду не на войну, – ответил смелый королевич. – И вряд ли смогу я обрести любовь Кримхильды, если навязусь ей в супруги при помощи оружия. Нет, только честью и доблестью смогу я завоевать её сердце. Поэтому в Вормс я возьму с собой всего одиннадцать бойцов. И я хотел бы попросить вас одеть моих спутников подобающе случаю.

Зигмунд тут же распорядился наделить его свиту богатыми двухцветными мехами.

Зиглинда, узнав, что сватовство всё же состоится, не сдержала слёз, так стало ей страшно за сына. Что если он не вернётся? Что если Гунтеровы вассалы убьют его?

Зигфрид пришёл в покои, где в печали сидела его мать, и принялся ласково утешать её:

– Матушка, утрите слёзы. Не бойтесь за меня, мне по силам сокрушить любых противников, сколько бы их ни было. А вместо того, чтобы плакать, снарядите нас самой лучшей

одеждой, чтобы моим достойным бойцам было в чём щеголять перед бургунами. И я буду несказанно благодарен вам за это.

– Если ты упорствуешь, я не могу отказать тебе, и дам твоим спутникам такое платье, что даже знатнейшие из витязей будут им завидовать.

Королевич поклонился ей и промолвил со всей учтивостью:

– Нас будет немного, всего двенадцать человек вместе со мной. Собирайте же нас поскорее, очень мне хочется увидеть прекрасную Кримхильду.

Зиглинда призвала девиц и те засели за работу. Без сна и отдыха трудились девы, чтобы успеть сшить одежду к отъезду Зигфрида. Отец снабдил сыновнюю дружину лучшими доспехами: дал блестящие шлемы, прочные щиты, хитро сплетённые кольчуги.

Настал день отъезда. Весь двор – и мужчины, и дамы – пребывал в большой тревоге: как знать, что ждёт Зигфрида и его спутников при бургунидском дворе? Путники уложили поклажу на вьючных лошадей, а сами уселись на лихих скакунов.

Зигмунд испросил у родителей разрешения ехать. С тоской и печалью отпустили они его.

– Не тревожьтесь за меня и не плачьте, – утешал их ласково Зигфрид. – Моей жизни ничто не может угрожать.

Провожающие, однако же, пребывали в большой грусти. Их угнетало предчувствие, что лишь горе принесёт эта поездка.

Семь дней во весь опор мчались герои вдоль Рейна и, наконец, прибыли к бургунам в Вормс.

Многие собрались посмотреть на чужаков. Да и, сказать по правде, там было на что посмотреть. Воинские уборы нидерландцев сверкали на солнце золотом. На каждом из бойцов звонкий шлем, в руке прочный щит, мечи свисали до самых шпор. В руках витязи несли тяжёлые копья, а у Зигфрида же было самое мощное, толщиной в две пяди. Его стальное остриё легко распарывало любую броню. Кони у бойцов тоже были на загляденье – золотые уздечки, шёлковые поперся.

Вскоре люди Гунтера, рыцари и их оруженосцы, вышли встречать нидерландцев. Соблюдая обычаи, поклонились чужакам. Оруженосцы сняли с рук гостей щиты, взяли под уздцы уставших коней и уже готовы были вести их в стойла, когда Зигфрид остановил их:

– Подождите уводить наших скакунов. Возможно, скоро мы с товарищами снова тронемся в путь. Прежде скажите, где мне найти Гунтера, владыку Бургунии?

Один из бургунов сказал:

– Вы найдёте короля в большом зале. Он восседает там со своей дружиной, достойнейшими и доблестными мужами.

Меж тем вормсцы дали знать своему королю, что к нему явился высокородный чужеземец со свитой, убранной в богатое платье и сияющие доспехи. Но откуда они, и как их имена, не знал никто.

Гунтер издали смотрел на чужаков и дивился их дорогим одеждам, тяжёлым мечам и широким щитам. Он опросил всех придворных, но к его досаде ни один не смог рассказать что-либо о незнакомцах. Тогда Ортвин Мецкий, доблестный воин и преданный вассал Гунтера, дал королю совет позвать Хагена, чтобы тот явился и посмотрел на стоящих у ворот воинов.

– Ему знакомы многие земли и страны, он наверняка распознает их.

Король внял совету и послал гонца за Хагеном. Вскоре воитель вместе с дружиной прибыл во дворец. Поклонился и спросил, что угодно королю.

– Явился к нам знатный витязь со свитой. Посмотри на них, возможно, ты сможешь сказать, кто они и откуда.

Своим острым взором Хаген оглядел незнакомцев. Их одежды и вооружение восхитили его, но он понял, что они определённо не из Бургунии.

– Откуда бы ни явились эти бойцы в наши пределы, они либо сами короли, либо послы королей. В любом случае, и по коням, и по одежде видно, что это высокородные витязи. Ещё скажу, что хоть я никогда и не видел Зигфрида Нидерландского, но могу поручиться, что именно он стоит сейчас возле наших ворот. Его благородное лицо и стать невозможно спутать. Я немало слышал о его подвигах. Он собственной рукой убил двух королей нибелунгов. То были братья, Шильбунг был старшим из них, Нибелунг младшим.

И Хаген рассказал Гунтеру всё, что ему известно.

Как-то ехал Зигфрид один, без свиты, и увидел гору, а перед ней множество воинов. То были нибелунги. В прежние времена спрятали они в горной пещере великие сокровища, а в тот день решили достать их и разделить меж собой. Один из чужих бойцов, приметив героя, воскликнул: «Смотрите, к нам едет доблестный Зигфрид Нидерландский!» Шильбунг и Нибелунг подобающе встретили его, и, посоветовавшись меж собой, попросили, чтобы рыцарь помог им разделить сокровища. Зигфрид согласился, однако за свои труды взял Бальмунг – меч нибелунгов.

Пред ними лежала такая груда драгоценных камней, что их не удалось бы вывезти, пожалуй, и на ста возах. А если говорить о золоте, то его было и того больше. Впрочем, помощь Зигфрида принесла лишь беду. Братья остались недовольны тем, как он разделил клад, и принялись обвинять героя. И хотя королей охраняли двенадцать могучих богатырей-великанов, герой взмахнул Бальмунгом и великаны головы, словно капустные кочаны, покатались по земле.

Семьсот нибелунгов убил в тот день Зигфрид, и братья-короли тоже не избежали смерти. Оставшиеся в живых сдались в плен и принялись умолять нидерландца, чтобы он стал их государем и взял их под свою руку.

Напоследок Зигфриду пришлось схватиться с карликом Альбрихом, который жаждал отомстить за своих господ. Был у карлика волшебный плащ-невидимка, но и он не помог, Альбрих был побеждён и взят в плен. Витязь приказал ему отнести сокровища обратно в потайную пещеру и назначил хранителем клада. Альбрих, в благодарность за сохранённую жизнь, дал Зигфриду клятву быть его вечным слугой.

– Вот каков он, Зигфрид, самый могучий из воинов, живших на свете, – сказал Хаген. – Я слышал, в годы своей юности он убил ужасного дракона, погрузился в его кровь и ороговел. С той поры он стал неуязвим для любого оружия. Если мы не хотим, чтобы этот доблестный витязь стал нашим врагом, нам надлежит принять его со всеми почестями. Всегда полезно сдружиться с человеком, способным совершать мечом настоящие чудеса.

– Хаген, без сомнения, прав, – согласился Гунтер. – Посмотрите, Зигфрид стоит так, словно готов прямо сейчас ринуться в битву. Да и дружина его тоже будто бы изготовилась к сече. Посему примем этого витязя со всем радушием.

– И в том не будет ни малейшего урона для вашей чести, – ответил Хаген. – Его отец – богатый король. И к тому же, хотя всю правду, конечно, знает один Господь, сдаётся мне, что заботы отнюдь не пустяковые привели сюда такого рыцаря.

– Пусть чужеземец будет нашим гостем, – решил Гунтер. – Он отважен, знатен, и в бургундских землях ему будет оказан почёт.

С этими словами Гунтер и его двор отправились встречать Зигфрида и оказали витязю самый радушный приём. Герой не остался в долгу, учтиво поклонился хозяевам.

– Позвольте спросить, что привело в наши края отважного Зигфрида? – спросил Гунтер.

– Я наслышан, что среди ваших вассалов есть множество лихих бойцов, гордиться которыми мог бы любой владыка, – ответил Зигфрид. – И вот захотелось мне испытать свою силу в бою с ними. Да и сами вы, я слышал, отважнейший из королей, равного которому нет во всём свете. В правоте этого слуха я тоже желал бы убедиться. Я, как и вы, рыцарь королевской крови и в свой срок получу корону. Но мне хотелось бы на деле доказать, что я имею право носить

её. Коли вы действительно так смелы, как говорит молва, то, нравится вам это или нет, я буду с вами биться. Если возьму верх, отниму всё, что у вас есть: людей, земли, замки.

Известие о том, что гость решил отнять у хозяина его достояние, привело бургундов в изумление. Дружинники едва могли сдержать свой гнев.

– Нет, – ответил Зигфриду властитель Бургундии. – Того, что получил по праву от своего отца, я не отдам никому, или же потеряю право зваться рыцарем.

– И всё же я не откажусь от своих намерений, – ответил ему Зигфрид. – Мы будем биться. И если верх одержу я, то заберу ваш престол. Если же победа будет на вашей стороне, вы сядете на мой трон. Бургундские и нидерландские земли стоят друг друга, так пусть победитель удвоит владения. Смерть рассудит, кто достоин владеть ими.

Тут Хаген и Гернот оборвали их спор.

– К чему сеять вражду? – обратился к Зигфриду Гернот. – Бургундия и без того велика, зачем нам ещё и чужие земли? А наши владения мы не отдадим никому.

Ответ Гернота пришёлся не по нраву его друзьям, и доблестный Ортвин Мецский бросил ему:

– Мне претит ваше миролюбие! Зигфрид только что безо всякой причины вызвал нас на бой! Если у вас и братьев недостаёт храбрости, я готов один выйти против него, пусть бы он даже привёл с собой целое войско. Обещаю, что собою спесь с гордеца!

Такие слова привели нидерландского витязя в сильный гнев:

– Как бы ни был ты смел, тебе не тягаться со мной! Я королевский сын, ты же ничтожный вассал. Даже двенадцать таких, как ты, не одолеют меня.

Ортвин Мецский без промедления извлёк свой меч. И, хоть он и доводился племянником Хагену, воитель из Тронье не произнёс ни слова, чтобы остановить его. По счастью, это сделал Гернот:

– Стой, Ортвин, – приказал он. – Зигфрид ещё не нанёс нам обиды. Я думаю, нам стоит поладить добром, и тогда мы обретём в нём друга, а не врага.

– Всех нас задела слова гостя, – произнёс доблестный Хаген. – Я вижу, не с добром он приехал к нам, хоть и не видел от вас, государь, никакого зла.

– Хаген, – отвечал отважный Зигфрид, – даже если вам не нравится то, что я сказал вашим господам, знайте, вам придётся увидеть, как я повою их и возьму власть над Бургундией.

– Я не допущу раздора! – крикнул Гернот.

И приказал вассалам вести себя уважительнее, чтобы не задевать и не сердить гостей.

– Стоит ли нам затевать бой? – обратился к нидерландцу Гернот. – Ведь если погибнет цвет наших войск, в том будет мало чести для нас, а для вас мало пользы.

Но Зигфрид, сын Зигмунда, ответил:

– Что ж не спешит нападать Хаген и молчит Ортвин? Почему не идут на меня с обнажёнными мечами? Или остыл их гнев и испугались они боя?

Бургунды, помня наказ Гернота, молчали.

– Я снова прошу вас быть нашим гостем, – повторил сын Уты. – Здесь все готовы служить вам – и я, и мои родственники.

Король велел принести вина и стал угощать им могучих чужаков.

– Попросите добром и ни в чём не встретите отказа, – убеждал Гернот. – Станьте нам другом, и тогда всё, и жизнь, и достояние, готовы мы будем отдать за вас.

Тут Зигфрид, наконец, внял словам короля, и гнев его утих.

Бургунды помогли чужеземцам освободиться от доспехов и отвели нидерландцев в лучшие покои, где те расположились на отдых.

С того момента Зигфрид стал в Вормсе желанным гостем.

Едва ли возможно описать и тысячную долю тех почестей, которыми окружили Зигфрида. Куда бы ни шёл он, всюду встречал восхищение. Какую бы ратную потеху ни затеял двор,

езде он первенствовал. В метании ли копий или бросании камней – никто не мог с ним сравниться. Зигфрид неизменно оказывался быстрее и сильнее всех соперников.

Женщины, разговаривая с Зигфридом, не могли отвести от него глаз, такой высокою любовью дышала его речь. Но сам герой мечтал лишь о Кримхильде, пусть даже он ещё и не видел её ни разу. Да и дева, надо сказать, всё чаще тайком наблюдала за ним, думая о том, как он силен и ловок. Чуть затеется во дворе молодецкая забава, королевна, не отрываясь, стоит от окна. Весь день готова она наблюдать за рыцарскими игрищами, и никакая иная забава ей не интересна. Когда же не удавалось ей увидеть Зигфрида, она тосковала о нём целыми днями. Узнай Зигфрид о том, что дама его сердца с такой теплотою следит за ним, как бы он обрадовался! Ведь ничего он так не желал, как увидиться с ней. И не раз с грустью думал он: «Когда же, наконец, я увижу красавицу Кримхильду? Уже столько дней гощу я здесь, а до сих пор не встретился с ней».

Так Зигфрид прожил в краю бургундов целый год, ожидая встречи с той, что пленила его сердце, и с кем впоследствии изведal он много счастья и много страданий.

Авентюра IV О том, как Зигфрид воевал с Саксами и Датчанами

Однажды в Вормс прибыли чужеземные гонцы, посланные на Рейн могучими королями Людегастом Датским и Людегером Саксонским. О каждом из них было известно, что дружины их сильны и многочисленны. Узнав о приезде посланцев столь грозных государей, бургундские вельможи без промедления отвели их к Гунтеру.

– Будьте нашими гостями, – учтиво предложил король, – и расскажите, кто вы и какие вести принесли нам?

Гонцы, хоть и боялись вызвать гнев Гунтера, не стали молчать:

– Знайте, государь, что наши короли Людегер и Людегаст прислали нас сюда, чтобы объявить вам войну.

От подобных слов бургундский двор пришёл в сильное волнение.

– Вы нанесли им множество обид, и тем вызвали сильный гнев в их сердцах. Хотят они идти на Рейн с огромной ратью и через двадцать недель начнут поход. Так что созывайте друзей и вассалов, если не хотите лишиться короны. Но если вы готовы уладить дело миром, вам,

государь, стоит отправить посла для переговоров с королями Людегером и Людегастом. Это спасёт жизни многим доблестным рыцарям.

Как ни был храбр Гунтер, он всё же промолвил:

– Я не дам вам ответа тотчас. Мне надо поделиться этой скорбной вестью с вассалами, а далее мы будем держать совет.

Король опечалился, грустная весть камнем легла на его сердце. Без промедления приказал он Герноту, Хагену и другим вельможам явиться в свои палаты.

– Сильный и опасный враг грозит нам, – обратился к ним Гунтер. – Немалые беды сулит нам его нашествие.

– Покуда в наших руках есть мечи, а в сердцах отвага, ни один враг не страшен нам, – воскликнул доблестный Гернот. – Смерти не избегнет никто, но честь превыше жизни. Порадуемся, что судьба привела нам врагов, битва – лучшая отрада для воина.

– Тут добра ждать не приходится, – сказал Хаген из Тронье. – Мы не успеем к сроку собрать свои отряды, а без них не видать нам победы.

Затем он погрузился в раздумья и добавил:

– Надо рассказать обо всём Зигфриду.

Король распорядился разместить вражеских гонцов в Вормсе и запретил бургундам задевать их. Он решил, что неразумно будет злить врагов, не выяснив прежде, кто из друзей готов оказать ему помощь.

Гунтер потерял покой и сон, целыми днями ходил в унынии и своим видом растрогал Зигфрида.

– Я вижу, что-то гнетёт вас, король, – обратился к нему нидерландец. – В чём причина вашей тоски и что лишило вас бывшего веселья?

– Не каждому король может открыть своё горе, – отвечал ему доблестный Гунтер. – Свою тревогу я должен таить глубоко в сердце, ведь открыть её можно только самым преданным друзьям.

Услышав такие речи, Зигфрид изменился в лице и заверил Гунтера:

– Я помогу вам, какая бы беда ни случилась! Если нужен вам преданный друг, я буду им до самой смерти.

– Да воздаст вам Господь за ваши слова. И ценнее всего даже не ваша помощь, хоть мы и сильно нуждаемся в ней, а та готовность, с которой вы её предложили. Если мне суждено жить, я не забуду этого и отблагодарю вас. Большая беда надвигается на бургундов. Короли Людегер и Людегаст прислали гонцов с известием, что объявляют нам войну. Это, признаюсь, застало нас врасплох, ведь никогда прежде враги не нападали на нашу страну.

– Оставьте тревоги, – сказал на это Зигфрид. – Доверьте мне поднять за вас меч, и потомки ваших врагов будут жалеть о неразумии предков. Со мной здесь всего двенадцать человек. Дайте мне под начало ещё тысячу бойцов, и, даже если против нас будет тридцать тысяч отборных воинов, мы разобьём их в яростной сече.

На это Гунтер ответил:

– Поверьте, я не останусь перед вами в долгу.

– Вот вам моя рука. Пусть доблестные Хаген, Данкварт, Ортвин, Синдолт и бесстрашный знаменосец Фолькер также отправятся в поход вместе со мной. Послам же велите возвращаться домой, куда мы и сами явимся очень скоро.

Король, не медля, приказал созывать родню и вассалов.

Когда послы пришли к нему за ответом, он так сказал им:

– Передайте моим недругам, что лучше им оставаться дома. Но если уж пришла охота посетить мой край, пусть знают, пока со мной друзья, любой враг изопьёт здесь горя полной чашей.

После чего, наградив богатыми подарками, отпустил гонцов. Послы, чтобы не гневить его, с благодарностью приняли дары.

Когда достигли они датских пределов, и Людегасту стало известно, что за ответ получили его гонцы на Рейне, ярости датского короля не было предела. В гневе поклялся он отомстить бургундам.

– В Бургундии хватает доблестных рыцарей, – добавили гонцы, – но даже среди них блещет Зигфрид, витязь, что приехал из Нидерландов.

Короля встревожило это известие, и он приказал датчанам готовить поход с особым тщанием. В войске отважного Людегаста было двадцать тысяч отборных смельчаков. А когда Людегер Саксонский привёл свою дружину, всего датчан и саксонцев набралось более сорока тысяч.

Тем временем в Бургундии Гунтер также созывал своих родственников и вассалов.

Готовились его братья Гернот и Гизельхер. С ними смелый Хаген из Тронье, брат Хагена Данкварт и Ортвин Мецский. Не отставали от них Синдолът и Хунольт, не зря Гунтер так щедро награждал их. Все знали – кровавая война неизбежна, и многим славным витязям принесёт она славу и гибель.

Как только рать снарядилась в поход, её начали переправлять через Рейн. Старшим над дружиной встал Хаген из Тронье, а отважного Фолькера назначили знаменосцем.

– Король, – сказал неустрашимый Зигфрид, – я поведу ваших людей, а вы оставайтесь дома и охраняйте дам. Ваша честь и бургундские земли не понесут ущерба, пока они под моей защитой. Враги, что движутся на Вормс, не найдут здесь славы, поскольку я намерен победоносно пройти по их же собственным землям.

С тем Зигфрид, жаждавший сечи, повёл дружину от Рейна через Гессен. По пути он жёг и грабил земли окрестной страны, дабы противник в полной мере вкусил горестей и страданий войны.

Когда грозное войско подступило к границам Саксонии, доблестный Зигфрид спросил соратников:

– Кого мы определим прикрывать наши тылы?

– Пусть могучий Данкварт вместе с молодёжью прикрывает нас, – отвечали ему бургунды. – А если с ним отправится ещё и Ортвин, это сделает нас поистине неуязвимыми.

– Пусть будет так, – согласился Зигфрид. – Сам я выдвинусь в дозор. Если мы хотим одержать победу, надо точно знать, где наши враги.

Снарядившись в дорогу и оставив войско под началом Хагена и Гернота, сын Зигмунда направил коня во владения саксов. Да, немало щитов и шлемов изрубил он там в тот день.

И вот Зигфрид видит в поле бессчётные рати. Более сорока тысяч бойцов стояло перед ним – неизмеримо больше, чем в его собственном войске. Но храбреца обилие врагов может лишь радовать!

Смотрит витязь, навстречу ему мчится всадник. В руке у него копьё, щит его, шлем и панцирь сверкают на солнце золотой отделкой. Был тот лихой всадник сам Людегаст, датский король. Он, как и Зигфрид, отправился в дозор, и конь его летел во всю прыть. Вот враги заметили друг друга, гневно полыхнули их взоры, и бойцы вонзили коням шпоры в бока.

Людегаст, хоть и был могуч и ловок, встревожился. Копьё своё, однако, держал твёрдо, целя прямо в щит неприятеля. Кони витязей сшиблись, взвились на дыбы и, словно вихрь, пронеслись один мимо другого. Рыцари развернули скакунов и вновь устремились навстречу друг другу, чтобы уже на мечах испытать удачу в яростной схватке.

Зигфрид обрушил на врага удар такой силы, что под тем дрогнула земля, и сноп искр, яркий, словно костёр, взметнулся над шлемом датского короля. Датчанин тут же ударил в ответ – бойцы стоили друг друга, щиты звенели, сталь встречалась со сталью.

Тридцать воинов Людегаста, заметив, что их король в опасности, поспешили к нему на помощь. Но поздно! К тому времени Зигфрид трижды успел рассечь крепкий сверкающий пан-

цирь датчанина и меч нидерландца заалел от крови. Людегаст пал духом и запросил пощады. Он рассказал, кто таков, и поклялся стать вассалом Зигфрида. Тут подоспели тридцать датских воинов и вступили в бой с могучим нидерландцем. Однако Зигфрид не отдал им своей добычи. Теперь, когда королевич знал, сколь богат и высокороден его пленник, он бился за него столь яростно, что худо пришлось датчанам – лишь один из тридцати сумел уйти оттуда живым. В залитых кровью доспехах явился он в свой стан, где все без слов поняли, что с ним стряслось: раны его были красноречивее всякого рассказа.

Когда дружина узнала, что король их в плену, сердца датчан наполнились страхом и болью, а у Людегера от гнева побагровело лицо.

Зигфрид увёз отважного Людегаста в свой лагерь и тем привёл в радость всё войско.

– Поднимите знамёна! – воззвал герой. – Слава ждёт нас! Только Господь ведаёт, суждено мне сегодня остаться в живых или паду я от вражеского меча, но знаю, много вдов появится нынче в Саксонии. За мной, герои Рейна! Я покажу, как раскалываются шлемы врагов и прорублю дорогу во вражью рати. Пришла пора сбить спесь с дерзкого Людегера.

Могучий шпильман Фолькер поднял над головой знамя, и воины, словно горная лавина, устремились за ним. Поистине великолепное зрелище представляло собой то войско. Хоть в поход и отправилась всего лишь тысяча бургундов да двенадцать нидерландцев, от пыли, поднятой копытами их коней, померк горизонт, а золочёные щиты слепили противника.

Саксы тоже изготовились к бою. Крепки были их доспехи, мечи острые, и воины готовились биться насмерть. Никто не хотел лишиться земель и замков.

Два войска яростно сшиблись, обагрят кровью сталь своих клинков.

Синдольт, Хунольт и Гернот разили наповал столь быстро, что саксы и датчане даже не успевали показать своё искусство владения оружием.

Немало прекрасных женских глаз затуманили слёзы после того боя.

Бесстрашный Фолькер, Хаген, Ортвин и доблестный Данкварт бились столь яростно, что после каждого их удара раскалывался вражеский щит или чужой шишак темнел от крови.

Но датчане тоже были весьма искусны в ратном деле. Их булатные клинки с лязгом врубались в доспехи, и ветер разносил над полем гром ударов. Да и саксы не отставали от союзников – дрались что было сил. Но всё же бургунды теснили и тех, и других, нанеся им столько глубоких ран, что кровь, заливая доспехи, стекала на сёдла и падала в траву. Ярая вышла битва! Честь и слава витязям!

В самом сердце битвы стоял нескончаемый гром – то крушил вражеские щиты нидерландский герой. Дружина во всём помогала Зигфриду – куда бы ни ринулся он, неотступно следовала за ним, смятая противников. Кровь текла потоками по горящим на солнце шлемам датчан и саксов. Королевич раз за разом врубался в их порядки, мечом прокладывая путь к Людегеру. Три раза прошёл нидерландец вражескую рать насквозь. А когда с ним рядом встал доблестный Хаген, немалый урон понесла от них саксонская страна.

Могучий Людегер заметил, как бьётся Зигфрид, как вздымает над головой свой добрый меч Бальмунг и как безжалостно косит им саксов. Увидев это, король почувствовал в душе жестокий стыд и великую ярость. Всюду кипела битва, звенели мечи, полки сшибались друг с другом всё злей, но когда сошлись Зигфрид и Людегер, саксы в страхе отхлынули. До этого часа Людегер думал, что только Герноту под силу пленить его брата, но теперь понял, кто на самом деле победил Людегаста. Саксонец с такой силой нанёс удар, что конь под нидерландцем пошатнулся и едва не упал. Однако же устоял, и через миг его седок обрушил свой гнев на Людегера.

Тем временем бургунды Хаген, Данкварт, Фолькер и Гернот отгоняли прочь саксов, пробивавшихся на помощь к своему государю, а Синдольт, Хунольт и Ортвин славно помогали друзьям, без промаха разя врагов.

Царственные бойцы спешили и сошлись лицом к лицу с мечами в руках. И хоть кипела вокруг них битва, свистели и вонзались в щиты копыя и дротики, видели они лишь друг друга. Не обращая внимания на бой, осыпали друг друга тяжёлыми ударами.

У саксонского короля порвалась застёжка под щитом, и Зигфрид понял, что победа близка. Тут Людегер различил корону, что украшала вражеский щит, и понял, что за боец перед ним. Тогда он остановился и крикнул громовым голосом:

– Вассалы, прекратите битву! Против нас бьётся Зигфрид Нидерландский, я узнал его. Видать, сам дьявол привёл мне столкнуться с ним в битве. Дружина, опустите знамёна.

Зигфрид согласился на мир, но при условии, что Людегер, как заложник, оправится с ним на Рейн. Саксонские вожди остановили битву, положили на землю оружие и доспехи. Повсюду, на щитах саксов и датчан, их шлемах, кольчугах и нагрудниках виднелись следы бургундских и нидерландских клинков.

Приказав соорудить носилки для тяжелораненых и тех, кто не мог ходить, Гернот и Хаген выбрали из пленных пятьсот заложников, которые должны быть отправлены в Вормс. Без славы вернулись домой датчане и саксы, поход не принёс им ни добычи, ни славы. Всех снедало уныние, каждый горевал о друге или родственнике.

А бургунды, навьючив на лошадей доспехи, отправились обратно в Вормс. Каждый дружинник понимал, что победу добыл им Зигфрид, что именно он побил врагов, и каждый готов был сказать о том Гунтеру.

Гернот оправил вперёд гонцов:

– Пусть на Рейне узнают, что поход окончен, и я, совершив с дружиною немало доблестных подвигов, отстоял честь бургундов.

Гонцы отправились в путь и скоро ко всеобщей радости доставили известие в столицу. Вормсцы, возликовав, попросили вестников рассказать, как боролись бургунды с врагом и какие подвиги совершили. Позвала к себе тайком одного гонца и Кримхильда. Открыто говорить с ним она не могла, ведь речь должна была пойти о том, кого она любила.

– Расскажи мне всё, что знаешь, и если вести твои будут правдивы, обретёшь здесь золото и друга, – так начала свою речь королева, когда посланец был введён в её покои. – Ответь, что с моим братом Гернотом? Что с моими друзьями? Многих ли не досчитаюсь я меж ними? Скажи, ничего не утаивая, кто был первым в битве?

– Среди нас не было трусов, – не медля, ответил гонец. – Но отважнее всех, и, поверьте, я не лгу, бил врага Зигфрид Нидерландский, ваш высокородный гость. Немало его подвигов довелось мне увидеть в сражении. Да, могучий Хаген, Данкварт и остальные воины проявили себя истинными храбрецами, но их деяния – детская забава по сравнению с подвигами, совершёнными Зигфридом. Они храбро бились, Зигфрид же творил чудеса. Никто не знает, сколько врагов он убил, но множество дам плачут из-за него о родичах и друзьях сердца. Его Бальмунгс такой силой крушил шлемы, что кровь багровыми ручьями хлестала из ран врагов. Поистине это великий воин.

Да и Ортвин Мецский нанёс врагу немалый урон – каждый, кого он задевал мечом, был ранен, а чаще убит. Никто и никогда ещё не нёс таких потерь, какие понесли саксы, в сражении с вашим братом Гернотом. Бургунды были столь яростны и свирепы в битве, что вражьи происки больше не представляют опасности для их чести. Рейнцы кипели ратным пылом, сбивали врагов с коней, поле гудело от ударов их клинков. Уверен, и саксы, и датчане пожалели, что затеяли бой.

Бойцы из Тронье тоже дали о себе знать в этой битве. Немало жизней пресёк Хаген своим мечом, и его родичам будет что рассказать потомкам. Синдольт, Хунольт, Румольт, что шли за Гернотом, рубили противника не хуже своего владыки. Долго ещё Людегер будет проклинать себя за то, что пошёл войной на бургундов. И всё же, как бы хорошо ни показали себя эти воины, то был бой могучего Зигфрида и теперь множество высокородных пленников ведёт он

сюда. Им захвачен король грозных датчан Людегаст и его брат Людегер, владыка саксов. Обоих нидерландец взял в плен своей рукой. И хоть случалось ранее бургундам брать пленных, но всё же несравнимо меньше того, сколько ведёт он с собой.

Рассказ гонца понравился красавице Кримхильде.

– Более пятисот пленников направляются сюда. Тех, кто из-за тяжких ран не может идти, а таких около восьми десятков, несут на залитых кровью носилках. Вот что значит встать на пути у Зигфрида! Гордецы бросили вызов нашим владыкам, но попали в плен к Гунтеру, и сегодня же, к радости всех вормсцев, будут доставлены сюда.

Эта весть очень обрадовала Кримхильду. Узнав, что её сердечный друг жив и здоров и скоро вернётся, она зарделась алее свежей розы. Порадовалась она также и за своих родственников.

– За вести, что ты принёс мне, – сказала королева, – я отсыплю тебе десять марок золотом и одарю расшитой шелками одеждой.

Гонцу немедленно принесли золото и платье. Что и говорить, не худо доставить приятную весть высокородной даме!

Меж тем подружки Кримхильды собрались у окон и вскоре увидели бургундских воинов, что возвращались из похода. Раненых несли на носилках, невредимые шли пешком, и все они с радостью внимали приветственным крикам. Гунтер, позабыв печаль, выехал встречать воинов. Как и надлежит великодушному королю, он был равно ласков и к чужим, и к своим вассалам.

Гунтер спросил дружину, кто из бургундских витязей принял смерть в бою. Убитых оказалось всего шестьдесят, и в дальнейшем все они были достойно оплаканы. На уцелевших вражеское оружие тоже оставило немало отметин, почти у каждого был изрублен шлем или щит.

Приехав ко дворцу, витязи сошли с лихих коней. Стоявшая вокруг несметная толпа громогласно славил бургундских воинов.

Гунтер определил войско по Вормсу на постой, велел, чтобы приезжих принимали со всем радушием, а о раненых заботились, как о родных. Не обошёл он вниманием и пленных.

– Хотя вы и причинили мне жестокую обиду своей дерзостью, я всё же рад видеть вас в Вормсе, – сказал он Людегасту. – Теперь, когда вы у меня в плену, я не стану вспоминать причинённое зло, а лучше воздам моим друзьям за верную дружбу.

– Они того достойны! – воскликнул Людегер. – Никто ещё не брал пленников более высокородных. Мы же обещаем щедро отплатить вам добром и золотом за радушный приём и гостеприимство.

– Я дам вам свободу, – молвил Гунтер, – если вы пообещаете не покидать мою страну, пока я сам не отпущу вас.

– Вот вам моя рука, – ответил королю Людегер.

По распоряжению короля все отправились отдыхать. Раненых уложили в постели, здоровым принесли вино и крепкий мёд, чтобы витязи позабыли о трудностях похода. Дабы женщины не проливали слёз, убрали с глаз долой изрубленные доспехи и сёдла, покрытые запёкшейся кровью. Надо признать, победа недёшево обошлась бургундам.

Немало гостей было у Гунтера, но всех он чествовал равно, и своих, и чужих, а увечных окружил такой заботой, что сердца всех пленных тут же расположились к нему.

Не жалея казны, Гунтер приставил к раненым самых искусных лекарей, чтобы те помогли героям поскорее подняться на ноги. Он осыпал гостей подарками и не соглашался отпускать домой, уговаривая подольше погостить в Вормсе.

– Как наградить наших бойцов, столь доблестно защищавших Бургундию? – обратился король с вопросом к своим вельможам.

– Давайте отпустим их домой, – ответил брату Гернот, – а через шесть недель, когда заживут их раны, пусть они вернутся сюда, и тогда мы устроим в их честь великое пиршество.

Собрался и Зигфрид возвращаться к себе в Нидерланды. Гунтер, узнав об этом, попросил его остаться. И не будь у Гунтера сестры, не удержать бы ему героя, ведь Зигфрид был слишком знатен и могуществен, чтобы ему можно было предложить подарки. Да и, кроме того, хозяин был в долгу перед витязем, столько тот совершил подвигов, когда крушил его врагов. Нет, Зигфрид остался в Вормсе только ради Кримхильды, и вскоре ему довелось повидаться с ней, а потом, как и мечтал, он назвал красавицу своей женою и отбыл с ней в родные края, но об этом речь впереди.

В те шесть недель, что предшествовали пиру, за Вормсом возводились шатры для гостей, а молодёжь устраивала турниры и всяческие забавы.

Когда до праздника оставалась одна неделя, Кримхильда вызнала у братьев, что Гунтер собирается дать пир для друзей и все благородные дамы немедленно сели за шитьё нарядов. Королева Ута тоже узнала о скором пире и приказала достать из кладовых лучше одежды. Соблюдая древние традиции и заботясь о чести своих детей, она приказала богато разодеть придворных дам и челядь. Да и для приезжих витязей было припасено в дар немало богатых одеяний.

Авентюра V О встрече Зигфрида и Кримхильды

Праздник приближался, всё больше и больше бойцов съезжалось в Вормс. Никто не был обделён хозяйской щедростью: каждый получил в подарок коня и платье. И хотя на пир явилось тридцать одних только королей, всем на торжестве Гунтер отвёл места по сану, рождению и старшинству. Молодой Гизельхер и Гернот радушно принимали гостей, для каждого нашлось у них приветливое слово, каждый был встречен с должным почтением и учтивостью.

Куда ни посмотри, всё вокруг сверкало и вызывало восхищение: щиты с дорогой отделкой, пышные наряды, расшитые золотом сёдла. От такой красоты у раненых прибавилось сил, и даже те, кто из-за увечий не мог стоять на ногах и кому жить оставалось лишь несколько дней, забыли о том. Никто больше не рыдал о раненых и болеющих, одно было в мыслях у горожан – удастся ли празднество, и что оно принесёт гостям. Всех при дворе переполняла радость, каждый надеялся вволю повеселиться и выпить вина.

Утром Троицына дня на берег Рейна съехалось множество приезжих бойцов. Тысяч пять или даже более собралось их на шумное торжество.

Гунтер давно заметил, что Зигфрид влюблён в его сестру, пусть даже нидерландец и не видел ни разу той, что затмевала своей красотой всех девиц.

Доблестный Ортвин обратился к королю с советом:

– Ваше величество, если хотите, чтобы праздник удался, прикажите пригласить сюда красавиц, что составляют гордость Бургундии. Мало радости для мужчины, если нет рядом прекрасных дам, скука одолевает его. Дозвольте также и вашей сестре сесть вместе с гостями за стол.

Всех витязей обрадовал этот совет.

– Так я и сделаю, – ответил державный Гунтер и вызвал тем всеобщую благодарность.

Он приказал, чтобы Ута и Кримхильда, равно как и дамы их свиты, явились на торжество.

Женщины достали из скрыней⁴ и кладовых дорогие платья и уборы, запястья, серьги и кольца. Каждая хотела, чтобы чужеземные воины удивились её красоте.

И юноши, храбрысь, тоже желали привлечь внимание прекрасных бургундок. Известно, что молодые люди подчас и трон готовы отдать за нежный девичий взгляд.

Сто родственников Гунтера сопровождали королевну в качестве почётных стражей. И, как исстари ведётся у бургундских королей, шли они вокруг юной королевны, вооружённые мечами. Кроме них, Кримхильду в то утро сопровождала на пир королева Ута, и с нею вместе множество придворных дам и девушек в дорогих одеждах.

Едва они успели сойти с крыльца, как гости выстроились вдоль их пути, и каждый воин горел надеждой увидеть красавицу. Она предстала перед ними, подобная лучу солнца, пробившемуся сквозь мрачные тучи, и у всякого, кто томился по ней, в тот же миг растаяли печали. На её наряде искрились драгоценные камни, а лик был румян и свеж, словно лепестки утренней розы. И встретиться ей тогда самый злобный хулигатель, даже он не отыскал бы изъяна в её красоте. Как меркнут ночные звёзды в свете восходящей луны, так и Кримхильда затмевала красотой всех дев, заставляя мужские сердца трепетать от страсти. Перед красавицей, освобождая ей путь, шествовала стража, а вокруг теснились воины, желая увидеть ту, чья прелесть слепила зрение.

И у Зигфрида, когда он смотрел на неё, взор туманило то счастье, то печаль. «Впустую мечтаю я! – думал герой. – Такая дева никогда не подарит мне своей любви, а без неё меня иссушит тоска».

От этих дум воитель то краснел, то бледнел. И это при том, что сын Зигмунда был на диво красив и статен! Всем он казался картиной, которую нарисовал на пергаменте искусный художник.

Стража учтиво оттеснила толпу с пути королевны, и бойцы покорно расступились, так заворожала храбрецов чинная поступь прекрасных дев.

Тут Гернот обратился к Гунтеру:

– Король, здесь присутствует тот, кто сослужил вам добрую службу, и, мой вам совет, воздайте ему при всех по заслугам! Пусть Кримхильда поприветствует Зигфрида, и её учтивость не пропадёт даром. Впервые сестра окажет подобную честь бойцу, и нас со славным витязем свяжет крепкая дружба.

Гунтер послал своих вассалов за героем.

– Король просит вас к себе. Сегодня его сестра окажет вам большую честь и поприветствует перед всем двором.

Как обрадовался витязь такой вести! Как забилося его сердце при мысли, что Кримхильда будет говорить с ним!

И вот доблестный витязь, зардевшись, предстал пред Кримхильдой, и прекрасная королевна обратилась к нему:

– Приветствую вас, храбрый Зигфрид!

Герой воспрянул духом, надежда вновь ожила в нём. Он с достоинством поклонился деве. Та подала ему руку, и они пошли рядом, успев украдкой посмотреть друг на друга нежным взглядом.

⁴ Скрыня – в данном случае ларец, короб.

Более красивой пары не было до сих пор на свете!

Я не смею утверждать, понимал ли герой, что порой Кримхильда пожимает ему руку. Но я не могу поверить, чтобы она могла скрыть любовь, которую вселил в неё бесстрашный гость.

Никогда ещё не чувствовал воин столь сладкого волнения, как в те мгновения, когда шёл рядом с той, кого был бы счастлив повести под венец. И каждый витязь, глядя на него, думал: «Ах, что за счастливец! Если б и я мог вот так же идти рука об руку с Кримхильдой».

Однако никто из них не смог бы услужить ей учтивей Зигфрида. И рядовые дружинники, и знатные князья, затаив дыхание, смотрели на чету. Король велел сестре поцеловать гостя, чем ещё более умножил его счастье.

Могучий король датчан, глядя на них, в сердцах сказал:

– Большой кровью куплен этот поцелуй Кримхильды. Много ран нанёс Зигфрид мне и моим бойцам. Не приведи нам Господь снова воевать с ним.

Стража снова расчистила королевне путь, и Кримхильда вместе с вельможами и знатными дамами отправилась на молитву в храм. При входе в собор героя разлучили с девушкой.

Всё время, пока шла служба, храбреца мучило нетерпение, хоть он и был счастлив, что смог ощутить ласковое прикосновение и прочесть нежность во взгляде той, что весь год занимала его мысли и мечты.

Когда он покинул храм, то был снова подведён к деве. Тут Кримхильда поблагодарила его за подвиги, которые он совершил, спасая честь бургундов в битве.

– Пусть Господь вознаградит вас за бесстрашие и верность друзьям, – сказала дева. – А мы будем всегда всей душой любить вас, Зигфрид.

– Везде и всюду до самой смерти буду я вашим слугой, – с жаром ответил нидерландец. – Приказывайте, и я всё совершу для вас, потому что милость ваша для меня выше всех наград.

Двенадцать дней продолжался в Вормсе весёлый пир, и при каждом выходе Зигфрид сопровождал Кримхильду. Так Гунтер старался угодить ему.

Смеясь и ликуя от зари до зари, витязи предавались шумным молодецким забавам, и Ортвин с Хагеном творили там истинные чудеса. Какою бы потехой ни пожелали развлечься гости, эти два витязя, к чести Гунтера и Бургундии, неизменно брали верх надо всеми.

Даже те, кто из-за ран едва только встал на ноги, участвовали в забавах. Теперь они снова соревновались с друзьями во владении мечом и метании копья. Гостеприимный хозяин, помня, что королю зазорно быть скупцом, велел подавать на стол отборнейшие яства, и часто сам сживал вместе с бывшими врагами. На прощание же он сказал им:

– Я приготовил для вас подарки. Прошу не отвергать их и взять с собою.

Датчане ответили ему так:

– Спасибо вам за празднество, но прежде мы хотим, чтобы вы заключили с нами мир. Несправедливо без этого отпускать нас из Вормса, и без того сильный урон нанесён вами Дании.

Хоть сам король датчан был вновь здоров и силён, да и Людегер Саксонский тоже выздоровел, а всё же войска их и впрямь понесли большие потери.

Гунтер решил посоветоваться с нидерландцем.

– Дайте совет, как нам следует поступить? – спросил он у Зигфрида. – Завтра утром заложники собираются разъехаться по домам, но прежде хотят заключить со мной надёжный мир. По его условиям побеждённый враг даст мне выкуп в пятьсот гружённых золотом коней.

– Так поступать не подобает, – молвил герой. – Отпустите пленных домой без выкупа. И пусть они дадут вам руку, пообещав, что вовек не нападут на Бургундию.

Гунтер согласился с Зигфридом, и они вдвоём пошли сказать заложникам, что те вольны тотчас и безо всякого выкупа отправиться домой, где их ждут родичи. Потом, по совету Гернота, Гунтер повелел принести в дворцовый зал щиты с казною, и каждый из королей получил от него в дар по пять сотен марок или даже более. Прежде чем гости разъехались, каждый из

них посетил Кримхильду, чтобы она и Ута могли проститься с ними. Героям, без сомнения, польстила такая честь.

Опустевший дворец притих после отъезда многочисленных гостей. Лишь Гунтер остался там, его родня и дружина. Днём король занимался делами правления, а по вечерам вместе со свитой навещал королевну.

Доблестный Зигфрид тоже решил покинуть бургундский двор, где ему так и не удалось добиться Кримхильды. Гунтера его отъезд опечалил, но возражать герою он не посмел. По счастью, юный Гизельхер сумел удержать гостя.

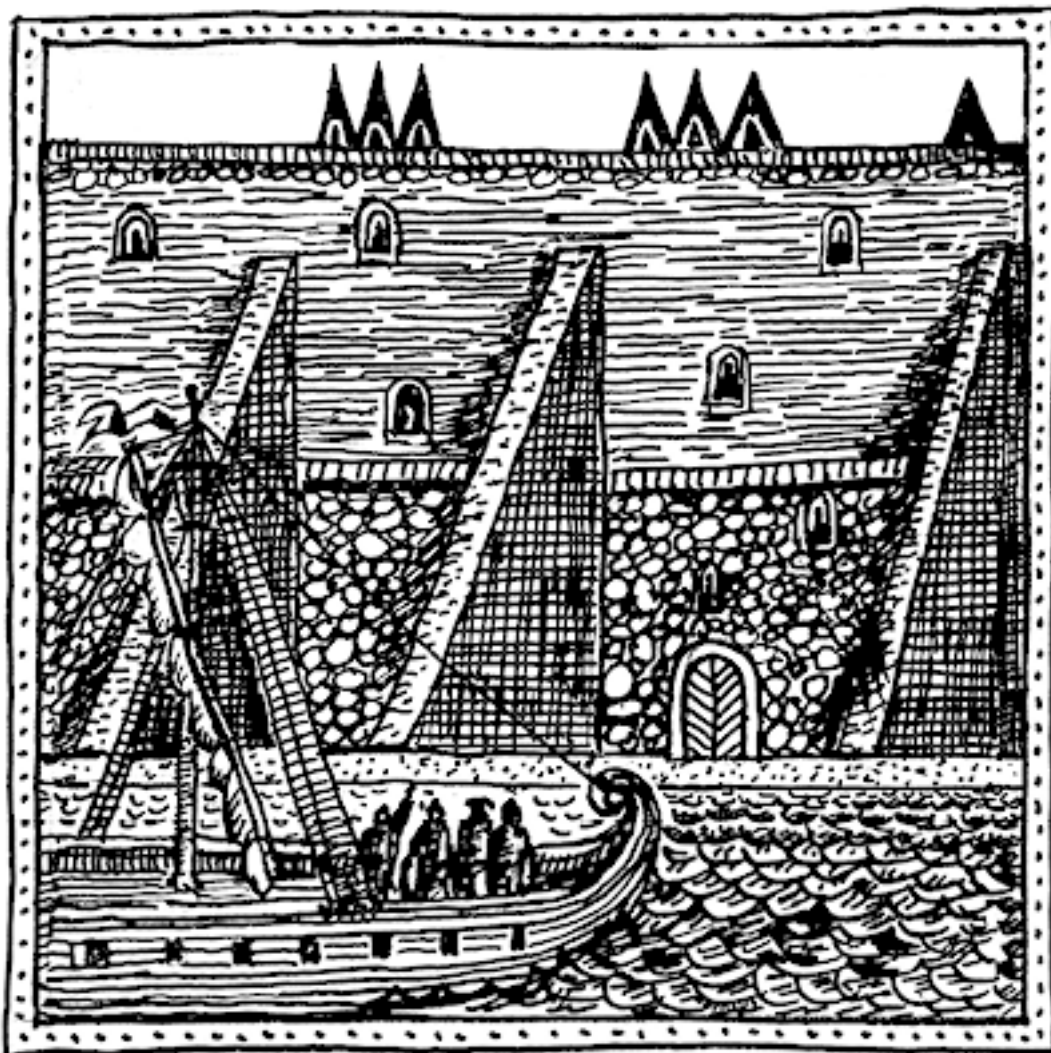
– Почему вы уезжаете? Разве вам плохо у нас? – воскликнул он. – Мой брат Гунтер и весь двор так уважают вас, столько прекрасных знатных дам будут рады вас видеть. Оставайтесь, благороднейший Зигфрид!

– Не скрою, мне приятно слышать такие речи, – ответил нидерландец. – Хорошо. Пусть слуги примут наши щиты и отведут в стойла коней. Я бы отбыл домой ещё до наступления вечера, если бы ты, мой юный друг Гизельхер, не сумел отговорить меня.

Так Зигфрид остался в Вормсе, и нельзя сказать, что он обижался на свою судьбу. Где бы ещё ему удалось каждый день видеть любимую?

Пленённый красой Кримхильды, герой гостил у бургундов, проводя время в беспечных забавах. И страсть, от которой ему было суждено погибнуть, томила его с каждым днём всё сильнее.

Авентюра VI О том, как Гунтер задумал жениться

По лежащим у Рейна странам прошла весть, что славный король Гунтер задумал жениться. И хоть немало пригожих девиц жило в тех краях, думал и мечтал витязь лишь об одной красавице.

За морем, в далёкой Исландии, правила королева, прекрасная телом и лицом. И при этом была она настолько сильна, что могла, бросив копье, насквозь пробить им цель, а швырнув камень, умела догнать его в прыжке. Каждый, кто отважился посвататься к ней, должен был победить королеву в трёх состязаниях, а проиграв хотя бы в одном, лишался головы.

Немало удалцов сгубила она.

Дошёл о красавице слух и до Рейна. Доблестный wormсский рыцарь возмечтал о ней, но, как вы потом узнаете, брачный союз тот стал роковым для многих витязей.

– Я отправляюсь в Исландию, – сказал бургундский властелин. – Будь что будет, но я попытаю счастья и либо добуду себе в жёны Брюнхильду, либо до срока упадёт с плеч моя голова.

– Мой вам совет – оставьте это намерение, – сказал ему Зигфрид. – Всем известно о жестоком обете, который дала Брюнхильда. Не стоит терять из-за неё головы.

Слово взял Хаген.

– Если вам и вправду так хочется ехать, просите, чтобы труды и опасности путешествия по дружбе разделил с вами бесстрашный Зигфрид. Ведь ему хорошо известны нравы и обычаи Брюнхильды.⁵

– Зигфрид, – обратился король к герою, – надеюсь, вы поможете мне в сватовстве? Если за морем мне удастся добыть в жёны Брюнхильду, клянусь, я рискну ради вас и жизнью, и даже честью.

– Буду рад помочь вам, – ответил сын Зигмунда. – И я не попрошу иных наград, если вы отдадите мне в жёны свою сестру. Ведь я давно влюблён в неё.

– Вот вам в том моя рука! – сказал Гунтер. – Если я вернусь в Бургундию вместе с Брюнхильдой, вы станете супругом Кримхильды, сможете делить с ней ложе и наслаждаться жизнью. Герои поклялись соблюсти своё слово.

Большие испытания ждали их за морем. Немало преодолели они трудностей, прежде чем сладили с Брюнхильдой и вернулись вместе с ней в Вормс.

Предчувствуя многие опасности, Зигфрид захватил с собой плащ-невидимку, который когда-то отбил у могучего карлика Альбриха. Надевший тот волшебный плащ становился невидим для людей, а кроме того, он придавал Зигфриду такую мощь, что силой витязь становился равен дюжине воинов. Если бы не магическое одеяние, Брюнхильда сгубила бы героев. При помощи хитрости им удалось добыть заморскую королеву, но это привело потом ко многим несчастьям.

– Скажите, бесстрашный Зигфрид, – спросил Гунтер, – если я хочу, чтобы меня приняли в чужой стране с почётом, возможно, мне стоит взять с собой сильное войско? Я без труда могу созвать тридцать тысяч бойцов.

– Даже если вы соберёте сто тысяч, – ответил нидерландец, – никто из них не ускользнёт живым из рук Брюнхильды. Мир не видел ещё девы более грозной. Нет, мой доблестный друг Гунтер. Мы поступим, как пристало витязям, а там будь что будет. Отправимся вчетвером. Мы спустимся по Рейну, пересечём море и предстанем перед Брюнхильдой. Вы – первый, я – второй. Третьим будет Хаген, он славный воин. А если четвёртым мы возьмём Данкварта, то даже тысяче врагов не удастся сломить нас.

– Ещё спрошу вас, – сказал король, – в каком платье мне предстать перед красавицей Брюнхильдой?

– В самом лучшем, какое только найдёте. В королевстве, где правит Брюнхильда, одеваются богато, и скромное платье славы нам не принесёт.

– Ну, коли так, – сказал храбрый Гунтер, – я отправлюсь к матушке. Пусть велит своим девицам сшить для нас такие наряды, чтобы не пришлось нам краснеть в Исландии.

– Зачем обременять матушку просьбами? – обратился к королю со смелыми словами Хаген. – Скажите сестре, что вам нужна помощь, и она охотно поможет вам собраться в путь.

Король известил Кримхильду, что намерен прибыть к ней вместе с доблестным Зигфридом для разговора. Дева надела лучшие наряды, чтобы достойно встретить гостей, которым была, без сомнения, очень рада. Под стать ей оделась и свита. Король не заставил себя ждать. Едва он вошёл к деве, та учтиво поднялась и пошла ему навстречу.

– Приветствую вас! – сказала королевна. – И вам, мой брат, и гостю я рада всей душой. Какие заботы привели вас сюда? Чем можем мы, женщины, услужить вам?

⁵ Здесь и далее содержатся намёки, восходящие к более ранним вариантам эпоса о нибелунгах, говорящие о том, что Зигфрид ранее был знаком с Брюнхильдой.

– С недавних пор обременён я большой заботой, – сказал державный Гунтер. – Едем мы со сватовством в заморские края, и мне, сестра, необходимы достойные случаи одежды.

– Прошу вас, присядьте и расскажите, чьей любви хотите вы добиться в чужих краях?

Кримхильда с улыбкой взяла гостей за руки и привела к скамье, укрытой расшитой золотом парчой.

Зигфрид тайком посматривал на королевну, и дух его сладко замирал, ведь он любил Кримхильду больше жизни. Недаром вскоре она стала его супругой. Да и деве его присутствие тоже было в радость.

– Дорогая сестра, – сказал Гунтер, – вскоре мы отплывём за Брюнхильдой, и нам не обойтись без вашей помощи. Мне и моим друзьям нужно платье.

– Любимый брат мой, – ответила королевна, – я окажу вам любую помощь, и если кто не последует в том моему примеру, того я не прощу вовек. Меня не надо упрашивать. Я с радостью исполню любой ваш приказ.

– Дорогая сестра, я прошу вас и ваших девиц скроить и сшить для нас побольше дорогой одежды. Работайте без задержек, мне очень не хочется откладывать сватовство.

– Шелков у меня хватает, – отвечала ему красавица. – Но нужны драгоценные камни. Прикажите насыпать их в щиты и скорее нести сюда.

И Гунтер, и Зигфрид охотно согласились с ней.

– Милый брат, скажите, кто ещё отправится с вами за море?

– Нас будет четверо, – ответил Гунтер. – Я, Зигфрид и Хаген с удалым Данквартом. Если мы не хотим, чтобы двор Брюнхильды видел во мне скупца, всем четверым придётся менять одежду трижды в день. И так четыре дня подряд.

Едва гости ушли, дочь достойной Уты созвала свиту и из множества сбежавшихся в покои рукодельниц отобрала тридцать лучших мастериц.

Сначала красавица раскроила шелка – аравийский, белый, будто первый зимний снег, и привезённый из Цацманки, зелёный, словно трава. Затем искусницы нашили на них драгоценные камни. Работа шла споро. Девицы покрыли шелками меха морских зверей – на те меха бургунды всегда смотрели как на чудо. Но и это ещё не всё. В дело пошли тончайшие шелка из Ливии и Марокко, какие едва ли нашлись бы при других княжеских дворах! Ничего не жалела Кримхильда для брата – даже горностаи казались ей недостаточно дорогим для его наряда. Бархат она выбирала чернее агата. И в наши дни любой воин с гордостью носил бы такой наряд, сверкавший аравийским золотом и драгоценностями. И хоть труд мастериц был велик и тяжёл, за семь недель рукоделие было закончено. Витязи тем временем подобрали себе достойное оружие.

На Рейне, проявив большое усердие, бургундские корабли построили прочную ладью, на которой смело можно было отправляться в море.

В назначенный срок Гунтер узнал от королевны, что приказ его исполнен в точности, одежда пошита, и сватовство можно больше не откладывать. Гунтер отправил к спутникам гонцов, чтобы те явились и примерили обнови. Одежда на витязях сидела безупречно, все наряды были столь красивы и богаты, что в них сваты могли достойно предстать перед Брюнхильдой.

Рыцари осыпали мастериц похвалами, сердечно поблагодарили за платье и попрощались с такой учтивостью, что многие девы невольно уронили слезу.

– Мой брат, – сказала Кримхильда, – оставайтесь дома. Ведь и у нас на Рейне достаточно прекрасных дам. Не лучше ли найти супругу в своей стране, чем плыть за море, рискуя жизнью?

Наверное, сердце подсказало красавице, что много бед принесёт это сватовство.

Свита заплакала вместе Кримхильдой, и столько слёз пролилось из прекрасных глаз, что потускнели их золотые нагрудные цепи.

– Зигфрид, – сказала королевна, – я поручаю вам того, кто для меня дороже жизни. Да охранит ваш меч брата от опасностей.

Герой протянул ей руку.

– Я ручаюсь, что Гунтер не попадёт в беду. Живым и здоровым вернётся он со мною на Рейн.

Благодарная красавица до самого пола поклонилась воителю.

На борт ладьи взвели ретивых коней, погрузили воинские доспехи и одежду витязей. Всё было готово к отплытию, настало время прощания.

У Кримхильды от скорби потемнело лицо. Её подруги-красавицы, плача, стояли у окон.

Попутный ветер раздувал паруса. Гунтер вместе своими друзьями стоял в ладье.

– Кто укажет нам путь к заветной земле? – спросил он.

– Я! – вызвался Зигфрид. – Я знаю путь в королевство Брюнхильды и без труда доставлю нас туда.

– Прощайте! – весело сказали бойцы родной стороне и с тем отплыли.

Гунтер встал у руля. Зигфрид оттолкнул ладью багром от берега, поток подхватил её, понёс к морю, и вскоре бургундский край скрылся вдали.

На корабле хватало места и коням, и людям. Также в достатке было отборных яств и вин – Гунтер позаботился о том. Прочная ладья легко летела по волнам. Мачта гнулась под ветром, скрипели канаты. На закате бойцы были уже за двадцать миль от Вормса – седой Рейн быстро нёс их к морю.

Кто мог представить тогда, какой бедой окончатся их труды!

На двенадцатое утро витязи достигли страны, где правила Брюнхильда. Из путников только Зигфриду уже доводилось бывать здесь. Пред ними предстали вознёсшиеся над водами башни Изенштайна.

Державный Гунтер и остальные путники огляделись и увидели, что край тот обширен и множество народа населяет его.

– Зигфрид, чьи это владения? – спросил король. – Чьи это замки и поля?

– Здесь живёт Брюнхильда, – ответил герой, – и мы плывём к Изенштайну, её крепости. Давайте, друзья, договоримся сразу, как отвечать на расспросы, чтобы не попасть впросак и не выдать себя. Шутить с Брюнхильдой – всё одно что играть с огнём, а явиться к ней мы должны до наступления темноты. Когда мы предстанем перед ней, все должны твердить, что Гунтер – мой владыка, а я всего лишь его вассал. Только тогда мы добьёмся своего.

Все согласились, что нидерландец прав, и это потом спасло их от смерти, когда Гунтеру пришлось соревноваться с Брюнхильдой.

– Король, – сказал Зигфрид, – я служу не вам, а той, кто мне дороже жизни. И сейчас я готов пройти через любые опасности, чтобы потом пойти под венец с вашей сестрой.

Авентюра VII

О том, как Гунтер победил Брюнхильду

Седые от пены волны несли ладью всё ближе к твердыне Изенштайна, и скоро Гунтер различил в окнах замка множество дев, глядящих на чужеземных рыцарей.

– Кто эти девы, что с таким высокомерием взирают на наш корабль?

Зигфрид ответил:

– Осторожно осмотрите их и скажите, какая из них вам нравится больше остальных?

– Выбор не труден! – воскликнул Гунтер. – Вон у того окна стоит она горделиво в белых, как снег, одеждах. Признаюсь, своей красою дева сразу пленила мой взор. И, если б я мог выбирать, то женился именно на ней.

– Вы не ошиблись, и сегодня ваша мечта сбылась. Перед вами Брюнхильда, в которую вы так давно влюблены.

Краса исландской королевы ослепила Гунтера.

А Брюнхильда меж тем велела своим девицам уйти от окон. Невместно им глядеть на приезжих. Те послушались, но лишь затем, чтобы тут же опять вернуться к своему занятию – быстро принарядившись, они, втайне от хозяйки, снова приткнулись к окнам. Не знает границ любопытство женского пола!

Витязи по сходням сошли с корабля на берег. Королевич при этом вёл под уздцы скакуна короля. Гунтер от этого словно стал выше ростом, так он был рад и горд, что женские взоры

следят за ним в подобный миг. Королевский конь славился силой и неукротимым нравом, но нидерландец твёрдо держал его под уздцы и не давал расшалиться.

Впрочем, все услуги Зигфрида впоследствии были забыты королём.

Хоть и не приходилось никогда до этого Зигфриду быть слугой и никому с самого рождения не держал королевич стремя, он проделал это, не стыдясь взоров исландских красавиц, и лишь потом свёл на берег своего скакуна.

И у короля бургундов, и у Зигфрида одежда и масть коней были белыми, точно оперение лебедя. Наряды Данкварта и Хагена – чернее воронова крыла.

Четыре доблестных рыцаря мчались в замок Изенштайн, а королева тем временем из окна наблюдала за ними. Вид витязей поражал великолепием: у каждого на локте блестящий щит, в руках отточенные копья, концы мечей свисают до самых стремян, и каждый клинок тяжёлый и острый. Да и кони были под стать удалцам: бубенчики на поводках сделаны из золота, поперсия и седла сплошь изукрашены драгоценными камнями.

В замке Брюнхильды насчитывалось восемьдесят шесть башен, три просторных палаты и зал, отделанный зелёным, как листва, мрамором. В том прекрасном зале исландский двор и ожидал чужеземных гостей.

Замковые ворота распахнулись, и к героям устремились люди королевы. Слуги сняли с витязей щиты, увели коней.

– Прежде чем вы войдёте в замок, прошу сдать мне на хранение клинки и шлемы, – попросил гостей постельничий.

– Не бывать тому, – решительно возразил Хаген. – Я не собираюсь расставаться с мечом. На это королевич негромко заметил ему:

– Таков здешний обычай. А потому разумнее будет не противиться и без злости покориться.

Хаген, хоть и был раздосадован, но внял его словам.

Витязей угостили вином и оставили отдыхать.

Тем временем к замку стали стекаться местные бойцы. И пусть все они были в дорогих одеждах, затмить гостей не удалось никому из них.

Брюнхильде доложили, что прибыли чужеземцы, чьи имена неизвестны. При этом обликом они царственны, да и наряд им под стать.

– Разузнайте, – приказала королева слугам, – кто эти незнакомцы, чья поступь столь горда. Из каких они краёв, как их имена и с какой целью прибыли к нам эти витязи.

Один островитянин промолвил:

– Скажу честно, чужеземцев этих я не знаю, но один из них очень похож на Зигфрида, и я бы посоветовал проявить к ним радушие. Осанка второго из чужаков столь горда, что мы не ошибёмся, если скажем, что это знатный человек. Посмотрите, как он величествен и неприступен, несомненно, это особа королевских кровей. Третий из них хоть и хорош собой, но явно в гневе и объят злобой. Глядите, какой свирепостью полон его взор! Четвёртый, самый младший из них, тоже очень красив. Пусть он и скромнее девушки, стоит, чинно опустив очи долу, но, думаю, не поздоровится тому, кто дерзнёт вступить с ним в спор. Хоть он учтив и выглядит приветливым, но многих дам заставит он плакать, если затронет кто его честь.

– Несите моё платье, – сказала красавица Брюнхильда. – Если Зигфрид прибыл сюда, чтобы взять меня в жёны, он головой заплатит за своё безрассудство.

Царственная дева оделась и вышла к чужеземцам. Вместе с ней было сто или даже более пышно одетых дам, желавших как можно скорее увидеть гостей. Охраняло Брюнхильду пятьсот исландских бойцов с мечами наголо. Гунтер с опаской пересчитал их, когда приезжие витязи встали, чтобы поприветствовать королеву.

Дева посмотрела на сына Зигмунда и промолвила:

– Приветствую вас в моей стране, Зигфрид. Скажите, зачем вы прибыли в Исландию?

– Вы слишком добры, госпожа. Следуя закону старшинства, вам следует обратиться не ко мне. Мой господин здесь и вам незачем разговаривать с его скромным вассалом. Он покинул отчий край, чтобы переплыть море и назвать Брюнхильду своей супругой. В своём намерении он столь твёрд, что я бы советовал вам подумать, стоит ли состязаться с ним. Он могучий король и зовут его Гунтер. Сюда привела его любовь к вам. Я здесь лишь потому, что ему угодно было взять меня с собой.

– Что ж, – сказала Брюнхильда, – если вы и вправду всего лишь рядовой вассал, а ваш господин возжаждал моей любви, пусть он победит меня в трёх состязаниях. Если не сможет, вас всех казнят до конца дня.

– Скажите, королева, – молвил Хаген, – в чём будут состоять эти три состязания? Неужели они и вправду настолько трудны, что мой господин откажется от желания получить вас в супруги?

– Он должен бросить камень и потом в прыжке догнать его, а кроме того, победить меня в метании копья. Обдумайте всё хорошенько, не то вас ждёт бесчестье и смерть.

Бесстрашный Зигфрид посоветовал королю:

– Прошу вас не падать духом. Храните спокойствие и будьте храбрее. Обещаю, при помощи хитрости я смогу победить Брюнхильду.

Гунтер ответил королеве:

– Я готов на всё. Пусть бы даже эти состязания были в сто раз труднее, я без колебаний рискну жизнью, госпожа, если смогу такой ценой обрести в вас супругу.

Увидев, что ей не испугать гостя, Брюнхильда приказала начинать состязание. Свита принесла ей изукрашенный панцирь и крепкий щит. Под панцирем девы был надет подлатник – ни один клинок ещё ни разу не прорубил его. Скроен он был из ливийских шелков и искусно расшит золотом.

Отвага гордой девы ввела гостей в тревогу. Хаген мрачно молчал, Данкварт впал в печаль.

Что будет с их королём? Как помочь Гунтеру? И оба понимали, что назад им пути уже нет.

Тем временем Зигфрид тайком отправился на корабль, что стоял у берега, качаясь под ветром, достал плащ-невидимку, надел и в тот же миг стал незрим для человеческого глаза. Вернувшись в замок, герой увидел, что состязания вот-вот начнутся. Невидимкой прокрался он сквозь толпу и встал рядом с друзьями.

Для игр очертили круг, по границе его железной стеной встали семьсот воинов-островитян, все в звонких панцирях, с остро заточенным оружием.

Брюнхильда вошла в круг. На шёлковом платье её сияла золотая вышивка. Поверх брони на плечах её лежала рубаха, которой позавидовала бы любая женщина – была та рубашка пошита из драгоценных ацагоукских шелков.

Вооружение королевы смотрелось грозно и предназначалось скорее для битвы, нежели для игры. Оруженосцы несли украшенный червонным золотом щит с крепкими стальными застёжками. И хоть щит её, сделанный из золота и стали, толщиной в три пяди, с трудом могли поднять четыре сильных воина, она поигрывала им, будто весил он не более пёрышка. Увидев, сколь тяжёл тот щит, Хаген пришёл в ярость и сказал Гунтеру:

– Мы сгинем тут. Вы, мой король, полюбили настоящую дьяволицу.

Слуги подали деве тяжёлое копье, которое она кидала без промаха. Древко его было огромно, закалённый наконечник остёр. Немало железа пошло на него – четыре с половиной четверика! Три бойца с трудом несли то копье, и державный Гунтер в который уж раз пожалел о своём сватовстве. «Как же мне быть? – думал король. – Сам чёрт в аду не защитится от этой девы. И окажись я сейчас каким угодно чудом снова в своей Бургундии, не рискнул бы я докучать ей снова своими чувствами».

Храбрый Данкварт, младший брат Хагена, молвил:

– Как же я раскаиваюсь, что приехал на этот остров! Мы – могучие рыцари, и тем больше будет наш позор, когда женщина велит срубить нам головы. Эх, если бы мы не сдали свои мечи, я не переживал бы столь сильно за наше будущее. Да поклянись я хоть тысячу раз блюсти мир, прежде чем погибнет мой господин, гордая дева тоже расстанется с жизнью.

– Если бы нам вернули клинки, – ответил брату владетель Тронье, – Брюнхильде и её вассалам было бы не с руки так чваниться пред нами.

Дева услышала слова воинов.

– Что ж, если вы и вправду так отважны и суровы нравом, вам вернут ваше оружие и доспехи.

Она отдала приказ, и вот уже мечи принесены. Отважный Данкварт воспрял духом.

– Пусть начинают состязания! – громовым голосом воскликнул он. – Король не побеждён, пока с нами оружие.

Дева обладала поистине безмерной силой. Она велела внести в круг метательный камень, столь тяжёлый, что двенадцать ратников с трудом поднимали его, – обычно она метала его вслед за копьём. Бургунды вновь поняли, в какую беду попали.

– Горе нам! – молвил Хаген. – Ей надо дьявола в мужа, а не человека!

Брюнхильда засучила рукава, на левую руку повесила щит, правой взялась за копье. Схватка началась, и не сносить бы Гунтеру головы, если б не Зигфрид. Он украдкой тронул его за плечо, от чего Гунтер испугался ещё сильнее прежнего. «Кто коснулся моего плеча?» – подумал доблестный король, оглядываясь и никого не видя.

– Это я, ваш друг Зигфрид, – услышал он шёпот. – Ничего не бойтесь, и мы победим Брюнхильду. Незаметно повесьте мне на локоть свой прочный щит и в точности повторяйте мои движения, остальное я сделаю сам.

Бургундский властелин приободрился, услышав эти слова.

– Никому не говорите о моём обмане, – продолжал Зигфрид, – и вы избежите бесчестия, которое готова обрушить на нас воительница.

Тут дева-воительница метнула копье. Удара столь сильного Зигфриду не доводилось принимать ни в одной битве. Искры брызнули из стали и столбом взвились вверх. Толчок поверг бы лихих воителей наземь, но плащ-невидимка уберёг их от неминуемой смерти.

У Зигфрида изо рта потоком хлынула кровь. Нидерландец вырвал из щита копье Брюнхильды, чтобы отплатить сопернице её же оружием. Однако в последний момент им внезапно овладела жалость, он повернул копье тупым концом и метнул его в исландку с такой силой, что броня её отозвалась долгим протяжным гулом. Снова огнём полыхнули искры, и могучий удар опрокинул деву наземь. Конечно же, виною тому был сын Зигмунда, у Гунтера на подобное не хватило бы сил.

Королева проворно поднялась с сырой земли.

– Благодарю вас, высокородный Гунтер, за достойный ответ!

Она полагала, что именно бургунд бьётся с ней, и не подозревала, что удар нанесён другим, более сильным витязем.

Королева, придя в ярость, подняла над головой неохватный камень, швырнула его вдаль и, звеня кольчугой, прыгнула следом. Целых двенадцать саженей пролетел валун по воздуху, но воительница прыгнула ещё дальше.

Тогда к камню подошёл Гунтер, сделав вид, что собирается метать его.

Никем не видимый Зигфрид сумел бросить валун дальше, чем девушка, и обогнал его в полёте, хотя прыгал не один, а вместе с королём. Когда необъятный камень упал на землю, там уже стоял Гунтер.

Так сын Зигмунда снова спас бургундского властелина.

Лицо красавицы потемнело от гнева, но, помня своё слово, она признала победу бургунда и объявила своему двору:

– Вассалы мои, моя родня, подойдите! Отныне все вы подданные Гунтера.

Слуги помогли жениху и деве снять доспехи. Исландские бойцы преклонили колени перед Гунтером Бургундским, их новым владыкой. Все пребывали в уверенности, что именно он выиграл состязание.

Гунтер, как подобает витязю, поклонился деве, а Брюнхильда протянула удальцу руку, вручая трон и власть над страной. Затем она попросила бургундов пожаловать с ней во дворец, где каждый нашёл самый радушный приём.

Между тем храбрый Зигфрид продолжал творить свои хитрости. Он укрыл в надёжном месте плащ-невидимку и вернулся в приёмный зал. Там он во всеуслышание обратился к Гунтеру:

– Король, когда же начнутся состязания? Мне, вашему вассалу, хочется поскорее узнать, что ждёт моего господина, венец или плаха?

Окружающие решили, что Зигфрид всё пропустил.

– Скажите, Зигфрид, – молвила королева, – по какой причине вы не присутствовали на играх, в которых ваш повелитель своей рукой добыл победу?

На это Хаген ответил ей:

– Надо признаться, нас столь смутил ваш суровый приём, что в то время, пока вы мерились силой с нашим королём, Зигфрид отправился на берег стеречь наше судно. Вот почему, королева, его не было на играх.

Бесстрашный Зигфрид заявил:

– Признаться, я рад, что доблестный бургундский витязь сумел сломить ваш надменный нрав. Рад, что и на вас нашлась управа среди мужей, и теперь мой господин увезёт вас к себе на Рейн.

– Не торопитесь, – ответила прекрасная Брюнхильда, – этот шаг я прежде должна обсудить со своими вассалами. И покину я родной край не раньше, чем дадут мне на то согласие друзья и родичи.

Королева разослала по стране гонцов, чтобы те созывали витязей на совет. Каждому, кто приедет в королевский замок, был обещан в дар дорогой наряд. День и ночь шли королевские дружины к замку Брюнхильды.

– Тревожно мне! – сказал Хаген. – Пока мы тут сидим, сюда со всех сторон идут вооружённые исландцы. Мы не знаем, что на уме у королевы! Что, если, собрав своих вассалов, она нападёт на нас? Ах, натворит бед эта дева!

На это доблестный Зигфрид ответил:

– Я и на сей раз смогу предотвратить опасность – доставлю сюда таких воинов, каких никто из вас вовек не видывал. Сейчас я втайне от исландцев покину остров. Пусть Создатель хранит вас здесь, а я вскоре приведу сюда десять сотен бойцов несравненной мощи.

– Поторопитесь, – напутствовал его державный Гунтер.

– Я не заставлю себя долго ждать, – заверил его Зигфрид. – Вы же скажите Брюнхильде, что я отбыл с поручением.

Авентюра VIII

О том, как Зигфрид отправился за Нибелунгами

Невидимый под плащом-невидимкой витязь добрался до судна. Королевич ступил на борт, взял в руки вёсла, и ладья понеслась от берега. Зигфрид грёб изо всех сил, ладья летела птицей. Исландцы, не видя королевича, думали, что судно гонит ветер. Весь и день и всю ночь, не жалея себя, грёб сын Зигмунда и проплыл сто миль, или даже более. И вот на рассвете увидел он в тумане землю нибелунгов, где в горах хранился его клад.

Он вытащил ладью на берег, поднялся на гору, где стоял замок и, как делает всякий усталый путник, громко постучал в ворота. Вход в замок был надёжно заперт, и нидерландцу пришлось долго ждать, прежде чем на стук и крики гостя откликнулся привратник – исполинского роста, отважный, сильный и злой.

– Кто там шумит у наших ворот? – крикнул великан.

Изменив свой голос до неузнаваемости, Зигфрид ответил:

– Я могучий витязь и советую без лишних расспросов впустить меня! Не то ещё до наступления дня многих в этом замке поднимет из тёплых постелей мой верный меч.

Речь путника была столь дерзкой, что великан пришёл в ярость. Страж взял тяжёлую палицу, надел огромный шлем, прикрылся щитом и, отодвинув засов на воротах, шагнул навстречу незваному гостю. Удары исполина были так могучи, что гул прокатился по всей округе. Щит Зигфрида едва выдерживал натиск великана, и прочные застёжки на нём лопались одна за другой.

Видя, как летает над ним железная палица великана, Зигфрид стал опасаться, что не сможет победить в этом бою, но при этом его радовало то, что замок нибелунгов под охраной такого верного стража. Всё вокруг содрогалось от грохота, криков, лязга. Но как бы ни был силен привратник, гостю удалось повалить его на землю и связать. В пещере, где хранился клад Зигфрида, шум боя услышал грозный Альбрехт. Он схватил оружие и отправился наверх.

Карлик был силен и смел. Закованный в прочный панцирь, он размахивал золотым кистенём, и Зигфрид приготовился к новому бою. Кистень с семью шипами был столь тяжёл, что щит витязя разлетелся с первого же удара, и нидерландец почуял дуновение смерти на своём лице. Он отбросил разбитый щит и спрятал меч в ножны. Слуге, который столь ревностно оберегал его клад, королевич не смог бы нанести смертельный удар даже в гневе.

Храбрец сжал Альбрехта в железных объятиях и с такой силой рванул за бороду, что тот побледнел и закричал от боли.

– Пощады! – воскликнул карлик. – Клянусь вам, витязь, что если бы я не был вассалом другого господина, которому дал клятву верности, вы нашли бы во мне самого преданного слугу.

Зигмунд связал его, так же как перед тем великана.

– Да кто же вы? – молвил пленник, сдавленный мощными руками рыцаря.

– Разве ты до сих пор не узнал меня? Перед тобою Зигфрид.

– Я рад видеть вас снова, – сказал страж сокровищ. – Вы и на этот раз смогли доказать, что по праву владеете нашим краем. И если вам будет угодно оставить мне жизнь, я готов и далее выполнять ваши приказания.

– Скорее приведи сюда нибелунгов, а я выберу из них самых сильных и храбрых.

Он освободил карлика и исполина от верёвок, и Альбрехт поспешил в замок.

– Проснитесь! – принялся будить он нибелунгов. – К нам явился Зигфрид, и он желает вас видеть.

Нибелунги вмиг оделись, нацепили доспехи и вскоре три тысячи воинов предстали перед Зигфридом. Королевич поблагодарил их за рвение, выпил вина, чтобы взбодриться с дороги, и заговорил:

– Храбрецы, вы отправитесь со мной в Исландию.

Каждый хотел следовать за ним, но нидерландец отобрал из трёх тысяч только лишь треть.

– Помните, – сказал он им, – вы должны предстать перед Брюнхильдой и её знатными дамами в самом богатом платье.

Наутро, когда покрылся багрянцем восток, нибелунги отплыли в Исландию. Зигфрид радовался, глядя на своих бойцов, так пышны были их одежды и резвы кони. Таких воинов не стыдно было показать при любом дворе.

Брюнхильда со своими подругами стояла на стене.

– Кто направляется сюда и чьи это корабли под белыми парусами, точно перелётные гуси, летят к нашему острову? – спросила она.

Гунтер, услышав её вопрос, ответил:

– Я так стремился увидеть вас, и плыл столь быстро, что моя дружина отстала в пути. Но я отправил к ней гонца и теперь она перед вами.

Девушки королевской свиты с жадностью рассматривали гостей.

На первом судне стоял доблестный Зигфрид в прекрасном наряде.

– Король, должна ли я обратиться к вашим вассалам с приветственным словом? – спросила Брюнхильда Гунтера.

– Если вы встретите их возле дворца, они будут польщены оказанным вниманием.

Дева обошлась с гостями ласково и лишь с Зигфридом чуть иначе, нежели с прочими.

Дружинникам отвели жильё, помогли освободиться от доспехов. Гунтер рассудил, что такое множество гостей будет непросто расселить в замке достойно их положению и предложил невесте поскорее отправиться на Рейн.

– Я буду очень благодарна, – сказала Брюнхильда, – если кто-то поможет мне оделить гостей платьем и золотом.

Данкварт ответил на это:

– Благоволите доверить ключи мне, королева, и я никого не обижу.

Никто не смог бы обвинить брата Хагена в скупости и, едва Брюнхильда распорядилась передать ему ключи, Данкварт принялся бесщёдно одаривать гостей. Тот, для кого раньше и марка была богатством, после его даров мог жить в довольстве и изобилии. Золото лилось рекой, и многие получили такие дары, каких и желать не могли.

Щедлость Данкварта ввела Брюнхильду в гнев.

– Король, – обратилась она, – я опасаюсь, что ваш вассал расточит моё добро и оставит казну пустой. Я буду очень благодарна, если кто-нибудь умерит его рвение. Он слишком торопится, я ещё жива. А если и захочу умереть, то сама смогу истратить отчее наследство.

– У моего господина в рейнских землях, – ответил ей Хаген, – хватает и золота, и дорогих одежд. Куда больше, чем есть у вас. Вам, госпожа, нет резона что-либо брать с собой.

– Охотно верю, – ответила королева. – Но для того, чтобы могла я в Вормсе достойно одарить воинов моего супруга, мы возьмём с собой два десятка сундуков с казной и платьем.

Из кладовых были извлечены груды драгоценностей, но в ларцы их укладывал уже не Данкварт, а слуги Брюнхильды, что вызвало смех у Хагена и Гунтера.

– Осталось решить, кто станет блюстителем исландского престола в моё отсутствие, – сказала королева.

– Кто вам угоден более других, того и назначьте наместником, – ответил державный Гунтер.

Блюсти престол Брюнхильда определила своего дядю, которому доверяла больше всех.

– Пусть мои люди и моя страна находятся под вашей властью, пока Гунтер не примет их под свою длань.

Две тысячи исландцев да тысяча нибелунгов, взявши коней и оружие, погрузились на корабли. Кроме того, как и положено по сану и чести, вместе с Брюнхильдой за море отправилась свита – сотня придворных девиц и восемьдесят шесть дам. Остающиеся на острове друзья и родственники пролили о них немало слёз.

Королева простилась с людьми и отчим краем, расцеловалась с роднёй и дала сигнал к отплытию. Больше ей не довелось повидать отчизну.

В дороге никто не скучал. Одни развлекали себя беседой, другие забавлялись играми. Попутный ветер нёс корабли и гудел в тугих парусах. С радостью в сердце ехали исландцы в чужую страну.

Брюнхильда не хотела до поры ласкать жениха и приберегала нежности до прибытия на Рейн, где в Вормсе ликующий король и повёл её на свадебный пир.

Авентюра IX

О том, как Зигфрид отправился гонцом в Вормс

Уже девять дней плыли по Рейну в сторону Вормса корабли Гунтера и Брюнхильды. На десятое утро, когда заря окрасила небо багровым светом, доблестный Хаген обратился к бургундам:

– Надо бы нам отправить в Вормс известие о нашем приближении.

– Согласен, – сказал в ответ Гунтер, – и гонца лучше вас нам не найти. Отправляйтесь в Бургундию и расскажите землякам, что уже скоро мы будем в столице.

– Нет, – отвечал витязь, – эта роль не для меня. Будет лучше, если я останусь здесь и стану охранять казну, груз и наших милых дам. Пусть Зигфрид отправится гонцом в Вормс. Он легко справится с этой задачей, а если вдруг станет противиться, попросите его сделать это ради Кримхильды, вашей сестры.

За Зигфридом отправили людей.

– Мы приближаемся к столице, – сказал герою Гунтер, – и я прошу вас доставить моей матери и сестре весть о том, что скоро мы прибудем в Вормс. Мой отважный друг, если вы согласитесь быть вестником, я не забуду этого и отплачу добром за добро.

Зигфрид отказался, но и Гунтер не хотел отступать.

– Вам за услугу буду благодарен не только я, но также и моя красавица-сестра Кримхильда, которой вы, Зигфрид, без сомнения милы.

Услышав эти слова, герой тут же переменял своё решение.

– Я буду счастлив исполнить вашу просьбу, высокородный Гунтер. А что касается вашей сестры, то для неё я готов на всё. Как смогу я отказать той, чьего расположения страшусь потерять более всего на свете?

– Тогда передайте моей матушке, что сватовство окончилось успешно. А братьям и друзьям скажите, что все мы живы и здоровы и скоро прибудем на родину. Красавице-Кримхильде передайте поклон от брата и Брюнхильды. Пусть придворные и вассалы узнают, что добился я в Исландии того, чего хотел. Ортвину, моему племяннику, накажите, чтобы к нашему приезду он разбил на берегу Рейна богатые шатры и отправил гонцов к моей родне. Пусть узнают, что я зову всех на свадьбу. Кримхильду, Зигфрид, особо уведоьте, что я буду благодарен ей до самой смерти, если встретит она мою невесту со всем радушием и лаской.

Зигфрид учтиво поклонился Брюнхильде, простился со свитой королевы и поспешил в Вормс по суше, чтобы прибыть туда раньше королевской флотилии. Вместе с героем в столицу отправилось две дюжины смельчаков, и никто ещё не видел вестников проворней.

Прибытие гонцов переполошило город. Узнав, что королевич вернулся один, без Гунтера, вормсцы с ужасом решили, что их властелин нашёл за морем свою гибель. Едва нидерландский герой сошёл с коня, навстречу ему из дворца выбежал юный Гизельхер. А Гернот, увидев, что нидерландец прибыл в Вормс без короля, воскликнул:

– Приветствую ваш приезд, смелый Зигфрид! И прежде всего, я хотел бы узнать, где Гунтер? Неужто случилась с ним беда? Неужели не сладил он с Брюнхильдой и вместо свадьбы в Вормсе будут похороны?

– Пусть никто не тревожится, – успокоил его Зигфрид. – Король жив и передаёт вам свой привет. Целым и невредимым возвращается он из чужих краёв, я же отправлен вперёд с добрыми вестями. Помогите мне встретиться с Кримхильдой и Утой. Жених и невеста велели передать им, что всё у них сладилось ко взаимному счастью.

Молодой Гизельхер ответил:

– Так пойдёмте же к ним. Сестра, без сомнения, будет рада вам. Дни и ночи плачет она, переживая о судьбе брата, и ваш приход рассеет её печаль.

– Для прекрасной Кримхильды я готов на всё, – сказал благородный Зигфрид. – Но, боюсь, как бы мой неожиданный визит не перепугал дам.

Гизельхер тут же отправился к сестре и матери, чтобы предупредить их о приходе королевича:

– К нам в Вормс прибыл храбрый Зигфрид, – с весёлым видом сказал он им. – Гунтер отправил его вперёд, чтобы известить о своём скором приезде. Примите его поскорее. Они с моим братом проделали немалый путь по морю, так пусть же нидерландец расскажет нам о путешествии.

Известие это взволновало женщин. Они поспешно оделись и со всей учтивостью приняли в своих покоях высокородного посланца. Зигфрид с волнением и радостью предстал перед Кримхильдой.

– Рада приветствовать вас, Зигфрид, отважнейший из витязей! – радушно молвила ему дева. – Но, прошу, скажите, где наш король Гунтер? Неужели мой доблестный брат не смог сломить сопротивление Брюнхильды? Если он погиб на чужой стороне, не знаю, зачем мне более жить на белом свете.

– Утрите слёзы, прекрасная королевна, – сказал доблестный рыцарь. – Принёс я радостные вести и вправе ждать за них положенной гонцам награды. Ваш храбрый брат через меня сообщает, что жив и здоров. Он сам и его красавица-невеста скоро прибудут сюда и передают поклон.

Никогда Кримхильда не получала вестей отраднее. Белоснежной оборкой платья она вытерла слёзы с ланит и ресниц. Печали и тревоги её мгновенно рассеялись, и за это она была гонцу очень благодарна. Кримхильда велела посланцу сесть на скамью и со всей сердечностью обратилась к нему:

– Мне было бы приятно вознаградить вас золотом, но вы слишком знатны для этого, и я просто навсегда останусь вам признательной.

– Владей я даже тридцатью странами, и тогда бы я принял от вас подарок, – ответил ей Зигфрид.

Щёки красавицы заалели от таких слов.

– Что ж, пусть будет по-вашему.

И приказала принести подарки для гонца: две дюжины широких золотых запястий, украшенных драгоценными камнями. Витязь не взял их, но одарил ими девиц из свиты Кримхильды.

Затем и королева Ута поблагодарила героя за добрые вести.

Зигфрид учтиво выслушал её и промолвил:

– Я должен сказать, что у короля есть к вам просьба, и он будет очень признателен вам, если вы её исполните. Гунтер надеется, что вы окажете почёт его гостям и выйдете встречать их вместе со свитой на берег Рейна.

– Я не огорчу брата отказом и с большой охотой услужу ему, – воскликнула Кримхильда, и её лицо зарделось от радости. – Всё будет исполнено, как он того хочет.

Ни одного посла ещё не принимали радушнее, и, если б можно было, королевна обняла бы Зигфрида. Когда же герой распростился с ними, бургунды всё сделали в точности так, как велел им через гонца Гунтер.

Синдольт, Хунольт, а также Румольт принялись за дело, спеша к прибытию жениха и невесты успеть с убранством шатров, которые поставили на речном берегу. Ортвини Гере разослали к вассалам гонцов с приглашениями прибыть на свадьбу государя. Женщины тем временем, не покладая рук, шили себе наряды.

Стены дворца в честь свадьбы завесили коврами, богато украсили пиршественный зал. Весь Вормс с радостным нетерпением ожидал торжества. Из ларцов извлекались лучшие наряды, и все были рады приезжим.

Внезапно дозорные доставили весть о появлении кораблей Брюнхильды. Все с шумом и гамом отправились на берег. Каждому хотелось посмотреть на прибывающих из-за моря.

Кримхильда сказала своим девицам:

– Те, кто пойдут со мной встречать гостей, пусть оденутся как можно богаче, чтобы приезжим молодцам было за что похвалить нас.

Явилась охрана для сопровождения дам, челядь подала лошадей к крыльцу. Сбруя коней была столь великолепна, что трудно было бы найти краше. Сёдла сияли золотой отделкой, на сбруе рядами светились самоцветные камни, поперся были из дорогого шёлка – никто из вас, наверное, и не видел таких. Челядь поставила для молодых наездниц золочёные подножки, под которые постелили меха.

Восемьдесят шесть придворных дам сопровождали Кримхильду, и они выступали за ней, соблюдая каждая свой сан и честь. За ними следовали девицы, одна краше другой. Никто из них пока ещё не носил головной повязки⁶ и в русых их волосах ярко горели алые ленты. Дружинники с волнением в сердцах смотрели, как эти пятьдесят четыре красавицы шли встречать Гунтера и его невесту.

Дамы и девы очень хотели понравиться гостям и потому оделись с таким вкусом и изяществом, что лишь слепец мог остаться к ним равнодушным. На оторочку платьев пошли меха

⁶ По средневековым обычаям только незамужние женщины могли появляться на людях с непокрытой головой.

горностаев и соболей, шелковые рукава обнимали браслеты... Нет, не под силу мне описать все их уборы и наряды. Гордая краса дев была поистине неотразимой. Цветные пояса обвивались вокруг талий. Под тонким феррандином, привезённым из Аравии, явственно угадывались прелестные гибкие станы. Туго зашнурованные корсажи вздымали груди, а румянец яркостью затмевал наряды. Радостно бились сердца прекрасных дев. Любая королева согласилась бы видеть их в своей свите.

Они сели на коней и в окружении стражей отправились к Рейну. Каждый воин был вооружён щитом и дротиком с ясеневым древком и остриём из калёной стали.

Авентюра X О приеме, оказанном Брюнхильде в Вормсе

Гунтер плыл с гостями по реке в Вормс, а навстречу им по склону ехали чередой дамы и лошадь каждой вёл под уздцы лихой боец. Гости гребли усердно, и ладьи, будто чайки, летели по волнам Рейна. С каждым взмахом вёсел приближался берег, где стояли бургунды, с нетерпением ожидающие своего короля.

Теперь я расскажу вам о том, как Ута вместе со свитой отправилась встречать своего царственного сына.

Впереди шёл маркграф Гере, он вёл в поводу коня Кримхильды. Но у дворцовых ворот к королевне подошёл Зигфрид и далее всю дорогу только он один прислуживал красавице, за что она его вскоре вознаградила. Ортвин вёл скакуна почтенной Уты. За ними парами шествовали девицы и витязи, и я скажу вам по чести, что вовек никто не видел столько храбрых бойцов и прекрасных дев разом. В течение всего пути герои старались развлечь Кримхильду то стремительной скачкой, то воинскими забавами. И так продолжалось до самого берега, где учтивые витязи сняли дам с сёдел.

Но вот королевские ладьи причалили, родня ринулась к Гунтеру и, приветствуя, устроила потешный бой. Ломались копья, щиты с грохотом бились друг о друга.

Ликующий Гунтер помог Брюнхильде спуститься с челна и повёл к встречающим их дамам. Красавица Кримхильда с приветливой улыбкой подошла к королевской невесте, и девушки, сдвинув венки с чела, с большой учтивостью расцеловались друг с другом.

– Я, равно как и моя матушка Ута, а также свита, – сказала королева, – безмерно рада видеть ту, чьей красоте дивится весь белый свет.

Брюнхильда в ответ на эти речи почтительно поклонилась.

Девы обнялись вновь и ещё крепче, чем в первый раз. Едва ли доводилось видеть вам встречу более тёплую!

Меж тем у воды сошлось немало храбрецов-бургундов. Они помогли исландкам сойти с ладей на берег и, бережно держа за руки, проводили девушек к их госпоже. Немало знакомств завязалось в тот день, немало приветных поцелуев было отдано, пока бойцы вели приезжих дев по берегу.

Бургундский двор не мог налюбоваться на красоту юных королев. Кто знал их лишь по чужим словам, убедился, что восторженные рассказы не лгали. Две красавицы восхищали взгляды и без труда затмевали всех соперниц.

Те из молодцов, кто считал себя знатоком женской красоты, восхвалял точёные черты лица Брюнхильды, а те, что были постарше да помудрее, отдавали предпочтение Кримхильде.

Берег, сбегавший к Рейну, сплошь заполнился прекрасными девами и жёнами, а в поле, что располагалось меж Вормсом и рекой, всюду виднелись лёгкие шёлковые шатры. Избегая зноя, три королевы, сопровождаемые свитой, направились к тем нарядным шатрам, а придворные рассеивали густую толпу на их пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.